

Хильдебреخت Хоммель

АХИЛЛ-БОГ

Сведениями о божеских почестях, воздававшихся Ахиллу в Северном Причерноморье, западная наука обязана почти исключительно исследователям из стран, расположенных вокруг этого региона и прежде всего русским. Первое место здесь принадлежит Корпусу надписей, подготовленному В. Латышевым¹. Сверх того Эрих Диль, владевший русским языком, не только познакомил нас с основополагающим для того времени трудом Ивана Толстого², указав от себя на более широкие перспективы вопроса, но и добрых 20 лет спустя в своей статье «Pontarches» в RE еще раз дал исчерпывающую картину этой проблемы в свете источников и литературы, по преимуществу русской, обогатив свою статью собственными наблюдениями и выводами³. И хотя с той поры прибавилось очень много нового материала⁴, все-таки уже Диль смог создать надежную основу для дальнейшей работы.

Действительно, для антиковедческой науки явился сенсацией тот факт, что Ахилл почитался в этих краях как божество, со времени Адриа-

¹ В. L a t y s c h e v, *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae* (IOSPE), vol. I². Petropoli, 1916. К более древнему периоду относятся надписи (до н. э.): № 34 (стк. 30 — агон в честь Ахилла, I в. до н. э., Ольвия), 326 (Левка), 327 (роща Гекаты в устье Борисфена и Гипаниса), 328, 329; согласно восстановлению — № 332 (Ахиллов бег, ныне Тендра), 672 (с Левки?, II в. до н. э.); см. W e i s s b a c h, RE, II A, 1923, стб. 60; 673 (как и № 672 найдена в Неаполе Скифском, недалеко от совр. Симферополя в Крыму; самое позднее II в. до н. э.). Посвящения Ахиллу Понтарху императорского времени: № 53 (Ольвия), 130—134 (Березань; как и № 53 — посвящения архонтов), 135—138 (посвящения стратегов), 139—146 (посвящения жрецов). Все упомянутые здесь памятники из IOSPE, I², это лапидарные надписи.

² И. Толстой, *Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте*, Пг., 1918; рец. E. D i e h l, «Gnomon», 3, 1927 (далее — D i e h l, Gn.) стр. 633—643.

³ E. D i e h l, *Pontarches*, RE, XXII, 1954 (1950) (далее — D i e h l, RE), стб. 1—18.

⁴ Прежде всего ценна библиография работ, опубликованных в СССР в 1946—1962 гг.: E. B e l i n de B a l l u, *L'histoire des colonies grecques du littoral nord de la Mer Noire*, Leiden, 1965. Тот же автор выпустил в 1972 г. объемистую монографию: *Olbia. Cité antique du littoral nord de la Mer Noire*, Leiden (о культе Ахилла см. прежде всего стр. 77—82, 139). Книга получила отрицательный отзыв: J. B r a s c h i n s k y, «Gnomon», 49, 1977, стр. 617 слл. Рецензент рекомендует взамен вышедшую недавно основательную работу польской исследовательницы: A. W a s o w i c z, *Olbia Pontique et son territoire*, P., 1975 (см. особенно стр. 33 с указанием литературы в прим. 40 сл.; ср. также исчерпывающий список литературы на стр. 155 слл.). О ряде важных конкретных исследований последних лет (их я коснусь ниже suo loco) любезно сообщил мне Ю. Г. Виноградов.

на — под именем Ахилла Понтарха, «Владыки моря». Ведь тот же Ахилл благодаря беспримерной роли, какую он играл в гомеровском эпосе — особенно в «Илиаде», запечатлелся в сознании Запада отнюдь не как бог, но как выдающийся герой греческих сказаний, прежде всего как главная фигура сражений за Троию. Он, хоть и сын богини, но все-таки не более чем герой, обремененный человеческими страстями, угнетаемый человеческой судьбой, совершавший, правда, сверхчеловеческие подвиги, но обреченный преждевременной смерти, в чем и заключается его подлинно человеческий трагизм. Хотя в «Илиаде» Гомера его кончина и не изображена, однако она почти с самого начала омрачает сцену многочисленными предзнаменованиями⁵. Насколько велико место Ахилла и его гнева в эпосе, программно показывает первая же строка: *μητιν αιειδε, θεα, Πηληιάδεω Ἀχιλῆος*. Пусть даже поэма в своем окончательном виде и выходит далеко за пределы этого «эпизода», перерастая в настоящую «Илиаду», чье содержание — борьба греков под Троей — поднято искусством Гомера «до прообраза всякого мирового события», так что сам этот эпос можно назвать «мироохватывающей поэмой»⁶.

Древнейшие надписи с именем Ахилла, которые, очевидно, в большинстве следует понимать как благодарственные приношения богу (возможно, по предварительному обету), происходящие, в частности, с о-ва Левки — это граффити; некоторые из них, восходящие к VI в. до н. э., были найдены сравнительно недавно на ольвийской территории, на материке напротив Березани⁷. Граффито с самым пространным текстом с острова Левки известно уже давно и до последнего времени считалось вообще древнейшим посвящением Ахиллу. Оно относится к началу V в. до н. э. и дает формулу: *Γλαῦκος με ἀνεθήκεν Ἀχιλλῆι Λευκῆ(ς) μεδέοντι παῖ(ς)ς Ποσιδηό(υ)*⁸. А чтобы нельзя было подумать, будто почитание

⁵ Об этом см. прим. 120.

⁶ Обе эти формулировки даны по последней работе В. Шадевальда (W. S ch a d e w a l d t, *Der Aufbau der Ilias. Strukturen und Konzeptionen*, 1975). Вместе с одновременно появившимся переводом «Илиады» она венчает дело его жизни, целиком посвященной Гомеру. Соответствующие разделы о соотношении деяний Ахилла и действия «Илиады» см. на стр. 8—15 и 37; ср. также стр. 69 слл. См. также С. М. В o w g a, *Tradition and Design in the Iliad*, 1930, стр. 192—200.

⁷ 73 граффити VI и V вв. до н. э., происходящие из Бейкуша близ Березани, опубликованы А. С. Руслевой (Культові предмети з поселення Бейкуш поблизу о-ва Березань, «Археологія», 1971, № 2, стр. 22—29) с многочисленными прорисовками. Эти черепки, часто почти круглой формы, несут легенду А, АХІ или АΧΙΛΛΕ(Ι) и снабжены зачастую примитивными изображениями, которых я еще коснусь кратко ниже (прим. 110). Переводом ее я обязан моему ученику Хр. Барку. Ср. также W a ş o w i c z, ук. соч., стр. 59 и 149 (с указанием на литературу). Новые аббревиационные посвящения Ахиллу на керамике открыты при раскопках другого архаического поселения — Большая Черноморка II, близ Бейкуша (см. В. М. О т р е ш к о, Граффити, найденные на поселении Большая Черноморка II в 1973 г., «Некоторые вопросы археологии Украины», Киев, 1977, стр. 41 сл., рис. 1, 2—7). Как сообщил мне Ю. Г. Виноградов, ему известны, кроме изданных к 1977 г., четыре новых граффити с о-ва Левки (VI—V вв.) и 12 с Березани (VI—III вв.); чаще всего это просто имя Ахилла в дат. падеже. То же относится и к недавно опубликованным 15 экземплярам из Херсонеса, на которых передко — также только сокращения имени Ахилла (АΧΙ, АΧ или А), см. «Граффити античного Херсонеса», Киев, 1978, стр. 38 сл., № 388—402, табл. 5. Все эти многочисленные граффити на черепках своей примитивностью ясно показывают распространение культа Ахилла среди бедных слоев населения. Лишь много позже из него возник, видимо, официальный государственный культ (об этом см. ниже). О популярности почитания Ахилла свидетельствует также распространенность личного имени «Ахиллей» (см. IOSPE, I², стр. 558, Index).

⁸ Diehl, Gn., стр. 638; RE, стб. 9. Граффито найдено еще в середине XIX в. на о-ве Левке и тогда же издано; восстановление текста — по И. Толстому. Ср. V e l i n d e B a l l u, *Olbia...*, стр. 80. Фраза примерно соответствует более поздней лапидарной надписи IOSPE, I², 326: [ο θεῖνα] ... Ἀχιλλεῖ [Λευκῆ]ς μεδέοντι ..., и № 672: Ἀχιλλεῖ νόσου [μεδέοντι] Ποσιδες Ποσι[θεου ...].

прославленного героя Ахилла как бога возникает только как вторичное явление и локально ограничено лишь Черным морем, по счастью сохранился фрагмент, принадлежащий уже раннему лирику Алкею, — явно начало гимна богу со словами: Ἀχιλλεύος ὁ γὰρ Σκυθῆϊκας μέδεις⁹. Если задать себе вопрос, почему вообще леббосец Алкей был склонен посвятить гимн Ахиллу, то можно, видимо, предположить, что эта песнь предназначалась для праздника на могиле Ахилла, на близлежащем малоазийском мысу — Сигее¹⁰ — опорном пункте, которым в годы юности поэта еще бесспорно владели митиленяне и лишь к началу VI в. до н. э. после ожесточенной борьбы захваченном афинянами¹¹. Алкею и его соотечественникам, согласно тексту фрагмента, должно было быть хорошо известно, что погребенный там герой в то же самое время и на берегах Понта пользовался божескими почестями¹². Действительно, значение этого факта истории культа было столь велико, что Алкей начал свой гимн, предназначенный для Сигея, с призыва к Ахиллу, властвующему в заморских странах. Таким образом, это единственное в своем роде свидетельство позволяет заключить, что почитание Ахилла на Черном море должно было возникнуть уже в конце VII в. до н. э., следовательно, мы едва ли можем, основываясь на известности гомеровского героя, делать вывод о вторичности этого культа¹³.

Далее, и у Алкея, и в надписи мы видим почти идентичную базовую структуру: Ἀχιλλεύος ὁ γὰρ Σκυθῆϊκας μέδεις (Алкей) и Ἀχιλλῆϊ Λευκῆς μέδουσι и т. д. (надпись). Это показывает, что речь идет об обычной в культе этого бога формуле обращения, сохранившейся на протяжении столетий и доказывающей, таким образом, раннюю и прочную традицию его почитания в Причерноморье¹⁴. М. Джеймсон в докладе (который,

⁹ Alkaios, fr. 14 D. = 354 (Z 31) Lobel — Page. В рукописи стоит τὰς, но конъектура Бергка, по всей видимости, правильна (ср. выше Λευκῆς μέδουσι также без артикля).

¹⁰ Escher, RE, I, 1894, стб. 239 сл., без ссылки на Алкея. См., однако, W. Schmid, Geschichte der griechischen Literatur, I, München, 1929, стр. 413, прим. 2.

¹¹ G. Busolt, Griechische Geschichte, II, Gotha, 1895, стр. 249 сл.; Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, II, Stuttgart — B., 1893, стр. 644 сл.; H. Bengtson, Griechische Geschichte⁵, München, 1977, стр. 121 сл. Алкей, как известно, сам участвовал в этой борьбе; см. Schmid, ук. соч., стр. 413.

¹² Как можно заключить из μέδεις с. gen. (см. ниже).

¹³ На этом настаивает и Ф. Пфистер (Fr. Pfister, Der Reliquienkult im Altertum, 1909—1912, стр. 537). Несмотря на это, до сих пор иногда по-прежнему придерживаются противоположного мнения (например, Belin de Ballu, Olbia..., стр. 79; автор говорит о héros divinisé). Осторожнее высказывается В. Буркерт (W. Burkert, Griechische Religion der archaischen und klassischen Epoche, 1977, стр. 267), согласно которому, почитание Ахилла на о-ве Левке в качестве Понтарха наряду с прочим «должно быть связано с его популярностью, утвержденной эпосом». Решительнее и правильнее на стр. 314: это почитание «не следует выводить из „Илиады“». Буркерт смотрит на его происхождение от Фетиды как на собственно первопричину данного культа (так уже Diehl, RE, стб. 11, стк. 5 сл.). В этой связи можно упомянуть и деда Эакиды Ахилла — Зевсова сына Эака, о котором, например, мимоходом говорится в работе: P. von der Mühl, Der Große Aias (1930), «Ausgewählte kleine Schriften», 1976, стр. 435 сл., 453, прим. 49. П. фон дер Мюль находит как у Аякса, так и у Ахилла достаточно божественных черт, но при этом, оставаясь в плену традиционных взглядов, постоянно говорит о «героях верований» и т. п. (см., например, стр. 469 сл.), так что он вынужден проводить различие между гомеровскими героями как «героическими людьми» или «героическими образами» и этими «настоящими» героями. Более правильно В. Буркерт (ук. соч., стр. 319 сл.) называет в этой же связи Геракла «одновременно героем и богом, héros theos, как говорит Пиндар» (Nem. III. 22).

¹⁴ Одного взгляда на лексику достаточно, чтобы убедиться, что выражение ὁς μέδεις составляет часть устойчивого обращения к божеству (например, о Посейдоне: ὁς ... γλαυκῆς μέδεις ἀλός... — Aristoph., Ran. 665, вероятно, из Soph., fr. 432 N.; о Дионисе: ὁ ... μέδεις ... παγκοινοῖς Ἐλευσινίας Δηροῦς ἐν κόλποις —

как и эта моя работа, был прочитан на Международном конгрессе эпиграфистов в Констанце в сентябре 1977 г.) свел и интерпретировал существеннейший материал об этой распространенной и в других местах формуле и притом высказался за ее ионийское происхождение¹⁵. Нас не должно удивлять, что на Лесбосе, где поэт Алкей употребил эту формулу обращения к божеству во втором лице, вообще знали о культе бога Ахилла далеко на Севере, хотя бы ввиду сильной иррадиации ионийской культуры в ближайшее окружение (прежде всего из такого центра колонизации, как Милет)¹⁶; но и вне зависимости от этого понятно, что в ближайших окрестностях могилы Ахилла, на Сигее знали о другом его значительном культе — в Причерноморье.

Из всего сказанного ясно, что Алкей, указывая на Скифию, имел в виду не варварские северочерноморские земли в глубине материка, т. е. что он обращал свой призыв не к скифскому божеству. Скорее следует однозначно связывать эту эпиклезу с начавшейся несколькими поколениями раньше греческой колонизацией прибрежной *Ἰσθμίου*, для которой уже тогда культ Ахилла был весьма характерен, как мы можем заключить по несколько более поздним эпиграфическим источникам¹⁷. Милетскую колонизацию северного берега Черного моря нельзя относить к

Soph., Antig. 1117 слл.; соответственно, *μῆδων* с. gen. о Зевсе и других богах — например, о Гермесе и Аполлоне, начиная с Гомера многократно). Странно, что никто до сих пор не установил столь близкое родство сопоставленных выше в тексте мест также и в формульном аспекте и не использовал для объяснения этого феномена. [Это примечание, составленное до ознакомления с докладом М. Джеймсона (см. след. прим.), сохранено мною, поскольку у него отсутствует часть приводимых здесь примеров.]

¹⁵ М. Н. Jameson, *A Bosporan Cult Epithet*, рукопись доклада 1977 г., любезно переданная мне автором для ознакомления. Согласно автору, эта формула (*μῆδων* или *μῆδων* с. gen. реже с. dat.) встречается в поэзии у Гомера и в гомеровских гимнах, у Гесиода, в аттическом сколионе, в трагедиях и комедиях, а также засвидетельствована эпиграфически в западно-малоазийском, преимущественно ионийском регионе, и в Северо-Западном Причерноморье (сюда она проникла, вероятно, из Милета, однако распространилась не только на Ахилла, но и на Афродиту Уранию, Гекату и Артемиду). Примечательно, что данный оборот прилагается, видимо, преимущественно лишь к тем божествам, которые имеют резиденцию или главное место культа где-то в другом месте. Так, с Афиной эта формула связана почти исключительно вне Афин, преимущественно в островных надписях, например, на *horoí* ее святилищ на Косе и столь же часто на Самосе.

¹⁶ Можно предположить, что здесь сказываются также некие, для нас уже не распознаваемые связи, касающиеся названия о-ва Левки. Так, на северо-восток от Лесбоса располагалась небольшая группа островов по имени Левка (см. *V ü s h n e r*, RE, XII, 1925, стб. 2209), которую Ф. Зелинский («Klio», 23, 1930, стр. 15) поставил в связь с прыжком Девкалиона с Левкадских скал (*O v i d.*, *Epist. Heroid.* 15, 167 сл.). Его имя не раз уже объясняли диссимилиацией из «Левкалион» (см. *T ü m p e l*, RE, V, 1905, стб. 275, и *H. F r i s k*, *Griechisches etymologisches Wörterbuch*, II, 1970, стр. 109). В мифологии с ним тесно связан и Макар, герой-основатель Лесбоса (*T ü m p e l*, ук. соч., стб. 272). Имя его супруги Пирры соответствует названию лесбосской гавани Пирра (о ней см. *M. P a r a s k e v a i d i s*, RE, XXIV, 1963, стб. 1403 сл.) и вместе с тем имени Ахилла, под которым он скрывался, переодевшись девушкой, на Скиросе (*H. v. G e i s a u*, RE, XXIV, 78). Если названия Левка, Левкадская скала и т. д. базируются на догреческих топонимах, то вполне понятно, что они могли быть рано приспособлены к греческому языку и народно-этимологически сопоставлены с *Λευκός*. Однако в деталях это остается еще далеко не ясным, поэтому все перечисленные выше ассоциации следует рассматривать как не более чем маргинальные заметки. Решающим остается лишь тот факт, что на рубеже VII и VI вв. лесбосский певец Алкей сложил гимн Ахиллу — божеству черноморских колоний, дав при этом (уже тогда) отчетливо распознаваемый перифраз его имени «Понтарх», засвидетельствованный для более позднего времени.

¹⁷ Об этом см. *O. G r u p p e*, *Griechische Mythologie und Religionsgeschichte*, I, München, 1906, стр. 222, прим. 1—4, стр. 389 сл., 683, прим. 3. Теперь прежде всего см. *D i e h l*, RE, стб. 7 сл.

слишком позднему времени¹⁸; это следует из того факта, что «Эфиопиде» (древнейшую версию которой многие исследователи рассматривают как «источник» Гомера в «Илиаде»¹⁹) уже известно о перенесении Ахилла после смерти на о-в Левку²⁰. Этот эпический штрих, видимо, и создал предпосылки для почитания Ахилла как бога на этом острове, о чем нам еще предстоит говорить.

Далее, Пиндар в IV Немейской оде, т. е., видимо, в конце 60-х гг. V в. до н. э., также называет бога Ахилла владыкой «светлосияющего острова на Понте Эвксинском», как он достаточно прозрачно перифрастически передает название Левки²¹. Несколькими десятилетиями позднее Еврипид в «Андромахе» вновь именуется Ахилла «жителем» той же местности²². Более поздние сообщения опять и опять подтверждают присутствие и почитание Ахилла на Левке и объясняют это тем, что он там владел храмом с деревянным кумиром²³. Фундаменты этого храма, к глубокому сожалению, около полутора столетий назад были перестроены под маяк²⁴.

Нетрудно понять, что на пустынном о-ве Левке — части суши в Черном море напротив устья Дуная, называемой теперь «Змеиным островом», — негостеприимном и необитаемом, культ мог поддерживаться лишь следовавшими мимо мореплавателями, как то подтверждается и многими свидетельствами²⁵, и большим количеством найденных здесь античных мелких монет из многих мест греческого мира²⁶. Но поскольку при том почтении, которым явно пользовался обожествленный Ахилл, стала ощущаться потребность в прочном постоянном культе этого бога в самих милетских колониях, то очень скоро и здесь возникли места его культа²⁷,

¹⁸ Новейшие исследователи неоднократно высказывались по этому вопросу; богатый материал при этом дали прежде всего последние раскопки в Ольвии. В целом сейчас считается возможным говорить об отдельных наездах сюда милетских колонистов уже в середине VII в., однако их утверждение на побережье осторожнее датировать самое раннее второй половиной VII в. См. *Belin de Ballu, Olbia...*, стр. 17 сл.; *W a s o w i c z*, укр. соч., стр. 30 сдл. Оба автора не использовали тонкую по своим наблюдениям статью (переводом которой я обязан Хр. Барку): Ю. Г. В и н о г р а д о в, Из истории архаической Ольвии, СА, 1971, № 2, стр. 232 сл. Сообщаемая Евсевием дата основания Ольвии — 645 г. до н. э., — таким образом, во многом оправдана.

¹⁹ Так считают Х. Цесталоцци и В. Шадевальдт; см. об этом *A. L e s k y*, *Homeros, RE, Supplbd. XI*, 1967, гл. VII, 2 (*Stoffgeschichte*).

²⁰ *P r o k l o s*, *Chrestomath. 199 sqq.*, ed. A. Severyns, 1963. Эд. Мейер (укр. соч., II, стр. 452) в своем сжатом, по проясняющем вопрос очерке о «влиянии понтийской колонизации на эпос и религию» уже сделал отсюда вывод (ср. прим. 18) о том, что даты основания «милетских поселений в этой области никак не могут быть отодвинуты назад за рубеж середины VII в.». Там же на стр. 453 приводятся важнейшие соответствующие источники (включая поздние). Об истории перенесения Ахилла вообще см. *C. R o b e r t*, *Die griechische Heldensage, 1920—1926*, стр. 1194 сл. (1923).

²¹ *P i n d a r*, *Nem. IV*, 49 sq.; ἐν δ' Ἐφεσίῳ πελάγει φαεινάν Ἀχιλεὺς νᾶσον (scil. εὔξει); ср. *Fr. S c h w e n n*, *RE, XX*, 1941, стб. 1655, 1670.

²² *E u r.*, *Andr. 1260—1262*: Ἀχιλλεῖα ... δόμους ναίοντα νησιωτικῶς Λευκὴν κατ' ἀκτὴν ἐν τῷ Ἐφεσίῳ πορῶ.

²³ *P a u s.*, *III*, 19, 11: Λευκὴ, ... καὶ ναὸς Ἀχιλλεῶς καὶ ἄγαλμα ἐν αὐτῇ. О прочих источниках см. *D i e h l*, *RE*, стб. 8 сл. Согласно Арриану (*Peripl. 32*), речь шла о ξόανον, вероятно, архаической эпохи.

²⁴ *D i e h l*, *Gn.*, стр. 635, прим. 2.

²⁵ Особенно важно свидетельство: *M a x. T u r.*, *Philosoph. p. 109 sq.* Hobein, где также сообщается об эпифаниях Ахилла, в которых он является зрению и слуху моряков.

²⁶ *D i e h l*, *RE*, стб. 4, 14 сл.; *Gn.*, стр. 638 сл. Понятно, что при этом преобладают «монеты Ольвии, Херсонеса и Пантикапея, однако прежде всего — городов побережья Мёзии и Фракии», т. е. милетской колониальной области.

²⁷ Подробнее *D i e h l*, *RE*, стб. 4 слл.

в частности в Ольвии при устье Гипаниса и Борисфена²⁸. Приблизительно в V в. до н. э. северная часть расположенного в 35 км к юго-западу от Ольвии выступающего к югу в море полуострова²⁹, давно находившаяся под угрозой, была окончательно снесена штормами, и таким образом возник новый остров (ныне Березань)³⁰, за которым постепенно закрепилось имя «Ахиллов остров» и который перенял в дальнейшем традицию культа и служение этому божеству. При этом, однако, культ на о-ве Левке не прекратился — следовавшие мимо мореплаватели продолжали воздавать почести Ахиллу в этом исконном священном месте. Но теперь появились все предпосылки для смешения обоих островов прежде всего теми авторами, которые посетили Ольвию и знали только о-в Березань³¹. С этим, на мой взгляд, связано и то, что, согласно Арриану (Per. Ponti Eux. XX, 2), о-в Березань был безымянным³². Я полагаю, что он перенял свое единственное название Ἀχιλλῆος νῆσος от Левки; последние могла перенести эту потерю, поскольку она с давних пор носила имя, данное ей, по-видимому, еще милетянами, а именно «Левка», так что ее всегда можно было идентифицировать.

²⁸ Взаимоотношения обоих расположенных поблизости друг от друга милетских поселений — Ольвии и Борисфена — были до недавнего времени пеясны и спорны (см. Bellin de Ballu, Olbia, стр. 20 слл.; Waşowicz, ук. соч., стр. 30 слл., 129 слл., особенно 33 слл. с литературой). Теперь Ю. Г. Виноградов (О политическом единстве Березани и Ольвии, «Художественная культура и археология античного мира», М., 1976, стр. 75—84) просил запутанное положение вещей. По мысли автора, первое греческое поселение, расположенное в устье Днепра, заимствовало местное название этой реки, которое после основания дальше отодвинутой в глубь материка Ольвии (этим греческим именем поселенцы назвали свой новый город) приехавшие греки прочно закрепили за обоими поселениями, вместе взятыми; примерно, по аналогии с Афинами и Пиреем, они могут рассматриваться как единое целое, поскольку Борисфен представлял собой эмпорий Ольвии. Позже, начиная с V в. до н. э. значение более древнего города начинает падать, при этом Ольвия создает собственную новую гавань в самом городе, так что постепенно топоним «Борисфен» (нынешняя Березань) все более и более стал отходить на задний план. В исследованиях нового времени дело осложняется еще и тем, что имя Березань позднее прикрепились и к полуострову, о котором еще пойдет речь.

²⁹ См. карты в кн.: Bellin de Ballu, L'Histoire..., стр. XI и XIII (последняя повторена в книге того же автора: Olbia..., стр. 19, рис. 3). Исчерпывающий картографический материал см. Waşowicz, ук. соч., рис. 1 сл.

³⁰ Diehl, RE, стб. с. 6, литературой. Теперь см. также Waşowicz, ук. соч., стр. 32, прим. 35, с новой литературой (из которой особенно важна: В. В. Липиц, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Киев, 1966, стр. 128—136). Недавно к этому вопросу вернулся К. К. Шилик (К палеографии Ольвии, «Ольвия», Киев, 1975, стр. 51—91). Г. Бенгтсон (ук. соч., стр. 98) ошибочно называет первоначальный п-ов Березань к моменту милетской колонизации островом.

³¹ Так: E. Rohde, Psyche, II², Tübingen, 1898, стр. 372, прим.; ср. Diehl, RE, стб. 6 сл. Я склонен думать, что этой путаницы не избежал и Дион из Прусы, так живо описавший в «Борисфенитской речи» свой визит к ольвиополитам, поскольку он (Or. XXXVI, 9) говорит сразу о святилищах «Ахиллова острова» (ἐν τῇ νήσῳ τῇ Ἀχιλλέως καλουμένῃ) и «в городе» (ἐν τῇ πόλει). При этом у него нигде не фигурирует имя Левки. Иначе оценивает ситуацию communis opinio; в этом отношении показательное мнение Э. Дила (RE, стб. 8 сл.), который относит слова Диона к свидетельствам не о Березани, а о Левке как о священном острове Ахилла (стб. 6). Еще до Диона Помпоний Мела (II, 7, 98) вполне определенно, но равным образом неверно называет остров, лежащий в устье Борисфена, Левкой. Напротив, правильное местоположение Левки с указанием близких к истине расстояний от устьев Борисфена (совр. Днепр — 140 римск. миль), Тираса (совр. Днестр — 120 римск. миль) и от острова Певки в дельте Дуная (50 римск. миль) дает Плиний (N. h. IV, 93). О путанице в античных источниках см. Robert, ук. соч., стр. 1194 и прим. 4; H. v. Geisau, «Der kleine Pauly», I, 1964, стб. 49.

³² См. Tomaschek, RE, III, 1899, стб. 739; Chr. M. Danoff, Pontos Euxei-nos, RE, Supplbd. IX, 1962, стб. 920. Напротив, из современного названия «Березань» делается неправильное заключение, что остров и в древности также назывался «Борисфен». Дапов (ук. соч.) упоминает статью Е. А. Рыздзевской (СА, IX, 1947, стр. 79—88), о названии о-ва Березань, о содержании которой он ничего не сообщает.

Почитание Ахилла культивировалось в обширном регионе вплоть до конца античной эпохи в посвященных ему местах; со II в. н. э. — под эпитезой «Понтарх»³³. Вотивные надписи в позднее время чаще всего имеют добавление *χαριστήριον*, т. е. указывают на благодарность за оказанные благодеяния, будь то спасение на море, счастливое возвращение, победа в агоне, учрежденном в честь Ахилла Понтарха и т. п. Особенно часты посвящения архонтов и жрецов Ольвии, так что, очевидно, можно говорить о своего рода государственном культе этого божества, с чем согласен и я. В этих случаях — а их много — благодарность выражена формулами: *ὑπὲρ τῆς πόλεως εὐσταθίας* (буквально — «благоденствие» естественно, в самом широком смысле), *διαμονῆς* («долгоденствие»), *εὐρήνης, πολυκαρτίας, τῆς ἑαυτῶν ὑγείας* («здравие» посвящавших магистратов или жрецов) и т. п. У священнослужителей часто появляется при этом выражение *ὑπὲρ εὐπορίας*, которое до сих пор толковалось в непосредственном смысле слова как снабжение питьевой водой, но которое могло включать в себя и орошение полей³⁴. Отсюда видно, что характер почитания бога Ахилла в Северном Причерноморье вышел далеко за рамки культа специального божества, и это осложняет задачу проследить его первоначальную функцию. Эпитет «Понтарх» ввел в соблазн характеризовать его просто как морское божество³⁵, при этом указывалось на его происхождение от морской богини Фетиды³⁶ и даже на *μάχη παραποταμίου*

³³ Подробности об этом см. Diehl, RE, стб. 11 слл. Ср. прим. 1.

³⁴ Для ликвидации наступавшего обезвоживания с давних пор обращались к посредничеству жрецов какого-либо божества; ср. например, Theodorop. ar. Antigon. Karyst., Hist. mirab. 15 (Jacoby, FGrH, II, 2—115, 267— стр. 593, комм. на стр. 391) об изображении на фессалийских монетах повозок с котлами, служивших для культовых действий при молениях испослать дождь; ср. Gurpre, ук. соч., II, стр. 820, прим. 1 и 5, глава «Regenzauber»; см. также Fr. Stählin, RE, XI, 1922, стб. 1581. О доисторических параллелях см. Chr. Peseck, Das Kultwagengrab von Acholshausen, 1971, стр. 12 сл. и др. Ср. также практикуемые и поныне шествия для испослания дождя. В другом месте Влпозία поднялась даже до ранга богини (см. W. Judeich, Altertümer von Hierapolis, 1898, стр. 26; подробнее см. Gurpre, ук. соч., II, стр. 1083, прим. 7).

³⁵ Другие попытки определить исконный домен почитаемого как бог Ахилла устарели, а потому не заслуживают подробного рассмотрения (например, гипотезы о божестве воды, света, духе ветров и т. п.; см. Escher, RE, I, 1894, стб. 221 сл., сам автор склоняется в пользу «бога-змеи», указывая на прочую литературу; ср. Gurpre, ук. соч., II, стр. 84 сл.: Ахилл на Левке — «дух ветров», сопоставимый с Диоскурами, со ссылкой на Aggiani, P. Pont. Eux. 34). Много последователей вплоть до настоящего времени находил и другой тезис, выдвинутый впервые, кажется, М. Ростовцевым (Новая книга о Белом острове, ИАК, 65, 1918, стр. 181 сл.; Skythien und der Bosphorus, В., 1931, стр. 34), с которым согласились В. Д. Блаватский (Архаический Босфор, МИА, 33, 1954, стр. 11 слл.), Хр. Данов (ук. соч., стб. 1173 — неполный обзор), Э. Белен де Баллю (Olbia..., стр. 79). Согласно этому мнению, понтийский Ахилл был в конечном счете местным, негреческим божеством, возникшим из контаминации гомеровского героя с неким божественным образом, издавна почитавшимся на о-ве Левке и нареченным Ахиллом милетянами. Это божество обладало как солярными, так и хтоническими чертами и соответствует почитавшемуся во Фракии (тоже в виде как бога, так и героя) богу-всаднику (!). В таком случае имя Ахилла следовало бы, вероятно, рассматривать в данной связи как народную этимологию неверно понятого чужеземного названия соответствующего бога. Но как могла столь скоро оказаться связанными с этим богом те разнообразны детали, которые ведут свое происхождение преимущественно из греческого сказания об Ахилле? Они будут разобраны мной в дальнейшем. Э. Диль с полным правом опроверг умозрительные рассуждения Ростовцева (см. RE, стб. 10 сл. — несмотря на вежливый реверанс в стб. 8). С фракийским богом-всадником, с которым Ахилл не имеет абсолютно ничего общего, мы встречаемся естественно в более позднюю эпоху общеизвестного синкретизма на одной монете из Том (близ устья Дуная), где он является слившимся с Зевсом, соответственно с Сарapisом (время Марка Аврелия). См. В. Pick, K. Regling, Die antiken Münzen Nordgriechenlands, Bd. 1, 2, 1, 1910, стр. 627 сл., № 2659, табл. VI, 26.

³⁶ См. из последних работ: Burkert, ук. соч., стр. 267, 314, ср. выше прим. 13.

в 21-й песни «Илиады»³⁷. В этой связи можно было бы думать и о nereидax, сетующих вместе с их сестрой Фетидой в предвидении его близкой смерти³⁸. Однако эпиклеза «Понтарх» позволяет скорее считать Ахилла просто владыкой Понта, если не — изначально — всего лишь владыкой о-ва Левки, откуда и распространился его культ. Ведь Плиний (N. h., X, 78) и говорит об этом острове именно как о *Pontus insula, qua sepultus est Achilles*. Ко всему прочему мы нигде не видим, чтобы Ахилл был связан исключительно с морем, так что казалось бы весьма удивительным, если бы к его почитанию как бога была привлечена отнюдь не основная для него сфера; ведь чтобы связать с нею Ахилла, нужны сложные окольные пути³⁹.

Для действительно удовлетворительного объяснения этого феномена требуются поэтому соображения более широкого охвата, которые и будут представлены ниже. Мы должны исходить из двух надежных отправных точек. Во-первых, культ Ахилла обязан своим появлением в северо-западной части Черного моря греческой, в данном случае милетской колонизации VII в. до н. э.⁴⁰ И другое: о-в Левка — первоначальный центр этого культа и, вероятно, также исходный пункт его распространения — во многих источниках именуется *μαχαρων νῆσος* — «остров блаженных»⁴¹. Самое раннее свидетельство подобного рода можно получить сопоставлением двух мест из Пиндара: *Olymp. II, 71 слл., 79 сл.* (476 г. до н. э.) и более поздней *Nem. IV, 49 сл.* (об этом месте уже говорилось выше). Согласно *Olymp. II*, Ахилл был перенесен матерью Фетидой на *μαχαρων νῆσος*; согласно *Nem. IV*, он владеет на «светлосияющем острове» (т. е. Левке) на Понте Эвксинском; отсюда безусловно следует, что обозначения — *μαχαρων νῆσος* и Левка — для Пиндара идентичны. В более позднее время это в ясных словах подтвердил Плиний (N. h. IV, 93): *eadem Leuce (insula) et Macaron apellata*⁴². Авиен (*Descriptio orbis terrae, 722*) следует ему в этом, называя о-в Левку *sedes animarum*.

Если мы сведем данные различных источников, то, видимо, сможем представить себе положение вещей в общих чертах так: вера — в конечном счете — несомненно догреческая в посмертную жизнь на острове блаженных⁴³, знакомая нам для архаики прежде всего из «Телемахии» (*Od. IV, 561—569*), где такой наградой наслаждается Менелай, супруг

³⁷ Подробнее см. Diehl, RE, стб. 17.

³⁸ II. XVIII, 35 sqq., 50 sqq. О плаче Фетиды и nereид по уже умершем Ахилле сообщают затем «Одиссея» (XXIV, 66 слл.) и «Эфиопида» (P o k l., Chrest., ed Sevegun, стр. 298 сл.). Кроме того, кажется, nereиды, согласно «Эфиопиде», даже сопровождали умершего героя на о-в Левку (Q u i n t. S m y r n., III, 770 sqq.; см. об этом G. H e t z o g - N a u s e r, RE, XVII, 1937, стб. 7 сл.). Эта сцена, изображенная на вазах из Великой Греции, справедливо рассматривается как иллюстрация к «Нереидам» Эсхила (вторая драма его трилогии об Ахилле); см. A. K o s s a t z - D e i s s m a n, *Dramen des Aischylos auf westgriechischen Vasen, 1979* (цит. по рукописи — стр. 21, прим. 108).

³⁹ Ниже будет показано, что имя Ахилла в конце концов, как кажется, все же имело известное отношение к морю.

⁴⁰ Ed. M e u e r, ук. соч., II, стр. 452 сл.; R o h d e, ук. соч., II, стр. 371, прим. 2.

⁴¹ Ср. E s c h e r, RE, I, 1894, стб. 240 и Diehl, RE, стб. 7 (внизу); каждый из этих авторов, впрочем, дает только часть относящегося к проблеме материала.

⁴² Неточно цитировано у R o h d e, ук. соч., стр. 373, прим., где опять же — в полном противоречии с Плинием — о-в Левка смешан с *insula Achillea* перед устьем Борисфена (см. прим. 31).

⁴³ R o h d e, ук. соч., I², стр. 68 слл.; II², стр. 369 слл.; J. K r o l l, *Elysium, 1953*; M. P. N i l s s o n, *Geschichte der griechischen Religion, Bd. I², München, 1955*, стр. 324 слл. с указаниями на новую литературу. О восточном происхождении этого мотива см. F r. H o m m e l, *Die Insel der Seligen in Mythos und Sage der Vorzeit. Vortrag...*, 1901; Кроль (ук. соч., стр. 14) также касается совсем кратко переднеазиатского (и египетского) происхождения этих представлений, хотя и не зная только что цитированного доклада. Буркерт (ук. соч., стр. 305, прим. 37) выводит это верование «из шумерийского сказания о потоце», ссылаясь при этом на Дж. Б. Притчарда.

божественной Елены⁴⁴, вера эта, получив множество обличий, сохранилась у греков перенесенной на ограниченный круг избранных героев⁴⁵ уже в ту пору, когда возобладали другие, исконно греческие представления о потустороннем мире. Эти более поздние верования обещали всем умершим дальнейшую жизнь в Аиде точно в том же облике и роли, в каких они покинули землю, для обозначения этого было выбрано не совсем удачное определение «живой мертвец»⁴⁶. Следствием этой веры явился обычай давать умершему, если он был дружелюбен, для загробной жизни все, чем он пользовался и чем наслаждался при жизни, между тем как от недоброго ограждали себя всяческими защитительными мерами. Ибо как от доброго ожидали благодатного воздействия на живых, так от недоброго — воздействия пагубного.

В гомеровское время, которое во многих аспектах может быть названо эпохой «просвещения»⁴⁷, эта вера меркнет, уступая представлению о мертвом как о бессильной тени, которую, впрочем, при соответствующих обстоятельствах можно заставить вступить в разговор с живыми, как то показывает прежде всего посещение Одиссеем загробного мира (Od. XI). Вообще в данной связи следует констатировать и подчеркнуть, что в гомеровском эпосе — главном источнике для ранней эпохи⁴⁸ — многократно наслаиваются друг на друга и переплетаются различные — более древние и более поздние — верования, относящиеся к загробной жизни⁴⁹.

Затем в послегомеровское время появляются другие представления, питаемые, видимо, пифагореизмом и учением орфиков, о чем неоднократно свидетельствует Пиндар. Это — представления, согласно которым умерший либо получает в Аиде награду, либо должен расплачиваться за грехи, в зависимости от того, как он вел себя при жизни⁵⁰. В дальнейшем, в V в. до н. э. — более всего в драмах трех великих афинских тра-

⁴⁴ См. об этом удачные замечания в кн. W. Marg, *Homer über die Dichtung*, 1957, стр. 19. Ср. также P. Carrière, *Elysium und Insel der Seligen*, «Archiv für Religionswissenschaft», 25, 1927, стр. 245 сл., об этом прямо стр. 258 сл.; Kroll, ук. соч., стр. 13 сл.; Burkert, ук. соч., стр. 305, прим. 37.

⁴⁵ Например, с Менелаем, о чем в общей форме сообщает Гесиод (Erga, 167—173, 171 sq.: ἐν μακάρων νησὶσι παρ' Ὀχθαῶν βαθυδίνην, ὄλβιοι ἦρωες. См. об этом Rohde, ук. соч., I², стр. 104; Kroll, ук. соч., стр. 247, где подчеркивается, что понятие μακάρες само по себе прилагается только к сверхчеловеческим образам, как, например, к обитателям Олимпа.

⁴⁶ Ср., например, Nilsen, ук. соч., I², стр. 182; A. Schnauffer, *Frühgriechischer Totenglaube...* (Diss. Tübingen, 1967) = *Spudasmata*, 20, 1970, стр. 8 сл., 31 сл.

⁴⁷ W. F. Otto, *Die Götter Griechenlands*, 1929, стр. 136 сл. См. Burkert, ук. соч., стр. 303 сл. Далее Г. Нсбель (G. Nebel, *Homer*, 1959) настойчиво подчеркивает дедезацию гомеровского мира; необходимые поправки к этому сделаны в работе: A. Нейбек, *Die homerische Frage*, 1974, стр. 180 сл. См. также Lesky, ук. соч., стб. 47, автор справедливо видит в Гомере «ионийский дух, с его склонностью к рационализму». Ф. Гшницер (Studien zum antiken Epos. Festschrift, 1976, отд. отг., стр. 16) определенно говорит об уже начавшемся тогда «просвещении» и его многообразных проявлениях в эпосе. Ср. для этой проблемы соображения М. Шмидта (M. Schmidt, *Die Erklärungen zum Weltbild Homers...*, в *BT-Plattscholien*, 1976, стр. 156, 264 и др.) о роли Аристарха в обосновании традиции, рассматривавшей Гомера как бытописателя «архаического» общества, к которой, однако, уже в античности, прежде всего со стороны Стои, были сделаны определенные коррективы (см. также стр. 58 сл. — «Гомер как источник мудрости»).

⁴⁸ О гомеровских загробных верованиях подробно см. Schnauffer, ук. соч., стр. 58 сл., с литературой. Ср. там же, стр. 71 сл. о столь же важном для нашего исследования разговоре мертвого Патрокла с Ахиллом, которому он является во сне; стр. 80 сл. о «Nekyia» (Od. XII) и стр. 117 сл. о «Deuteronekyia» (Od. XXIV, 1—204). Ср. также Burkert, ук. соч., стр. 300 сл. passim.

⁴⁹ Существенно важные замечания об этом см. Kroll, ук. соч., стр. 11.

⁵⁰ A. Dietrich, *Nekyia...*, 1893; G. Rathman, *Quaestiones Pythagoraeae, Orphicae, Empedocleae*. Diss., Halle, 1933 (редакт. Н. Гундерт, «Gnomon», 13, 1937, стр. 337 сл.); Kroll, ук. соч., стр. 19 сл.; Burkert, ук. соч., стр. 304 сл.

гиков — вновь всплывают все верования минувших столетий, причем порой в таком сложном скрещении с более поздними представлениями, что зачастую бывает трудно, если не вообще безнадежно, отделить друг от друга различные напластования.

Этот беглый обзор вполне достаточен для наших целей. Тем не менее, он был необходим, поскольку наши источники для разгадки мифа об Ахилле возникли в разное время; разновременными взаимопроницающими элементами, к примеру, особо насыщены драмы Еврипида.

В сознании милетян, колонизовавших в VII в. до н. э. север Понта, по-видимому, глубоко запечатлелась стародавняя вера в лежащий в далеком море Элизиум — «остров блаженных». Те, кто вернулся из Северо-Западного Причерноморья, первыми принесли оттуда сведения, что ими был обнаружен в лишенном островов море единственный необитаемый клочок суши, который они — по ослепительно светлым известковым скалам его обрывистых берегов — назвали Λευκή⁵¹, если только это имя, как предполагают некоторые, не укоренилось в мифологии еще прежде в качестве местного обозначения этого острова⁵². В таком случае «белый остров» (Λευκή) должен был быть этимологическим перетолкованием какого-то древнего, сходно звучащего догреческого названия⁵³. Эти первопроходцы принесли эти известия домой, считая, что ими открыт μακάρων νῆσος. Когда немного спустя близлежащее побережье было заселено милетянами, там был учрежден культ, о котором мы говорили вначале. Для того чтобы при этом, очевидно с самого начала и на века, с этим культом связалось имя Ахилла, было недостаточно одного лишь представления о том, что герой якобы был перенесен туда после смерти. Но в высшей степени показательно, что античная традиция возводит это рационалистическое толкование не до конца понятого обстояательства к милетскому источнику, поскольку автором «Эфиопиды», сообщающей нам о перенесении Ахилла на Левку⁵⁴, согласно древним указаниям, был скорее всего Арктин из Милета.

⁵¹ Так, например, Escher, RE, I, 1894, стб. 240. Ср. Rohde, ук. соч., II², стр. 371 сл.; ср. также I², стр. 87; автор думает о «первоначально чисто мифической местности, острове бесцветных духов». Лишь милетские мореплаватели первыми дали сказочному острову реальный образ путем его локализации.

⁵² Об этом мог бы говорить сохранный Сервием (ad Verg., Ecl. VI, 61) этимологический, но в основе своей несомненно древний миф о нимфе Левке, которая была похищена Плутоном и после ее смерти пересажена в виде серебристого тополя (Λευκή) на элисейские поля; о гомеровском имени этого дерева подземного мира — αχέρως (созвучном с Ахероном, Ахелоем и Ахиллом), как и вообще об этом сказании см. ниже, прим. 108. Ср. также Höfer, в кн.: Roschers Mythologisches Lexikon, II, 2, стб. 1986 сл.; H. Gossen, RE, XVIII, 2, 1949, стб. 1082 (s. v. Pappel). О вероятной связи древнего мифического острова Левка с «Левкадскими скалами» см. Rohde, ук. соч., II², стр. 371, прим. 2. О падении с этих скал (позднее локализованных на о-ве Левкада), как форме проникновения в подземный мир и к символике этого, см. кратко и точно в кн.: A. Lesky, Geschichte der griechischen Literatur, 3. Aufl., стр. 169, ср. стр. 209, а также D. Radtke, «Würzb. Jbchr.», 3, 1948, стр. 96, сл. Ср. также L. Radermacher, Die Jenseitsvorstellungen der Hellenen, 1903, стр. 74. О прочих локализациях Левкадских скал см. Th. Zielinski, «Klio», 23, стр. 15. X. Дёрри (H. Dörrie, P. Ovidius Naso. Der Brief der Sappho an Phaon, 1975, стр. 34) считает, что упоминание этих скал в так называемой «Deuteronekyia» «Одиссей» (XXIV, 11) не имеет ничего общего с древними захоронными верованиями; с этим мнением я никак не могу согласиться.

⁵³ Об этом см. прим. 16.

⁵⁴ Pöckl., Chrest., ed. Severyns, 199 sqq., по «Эфиопиде» Арктина; о милетском происхождении последнего см. E. Vethe, RE, II, 1896, стб. 1172, и в интересующей нас связи: Fr. Focke, «Hermes», 82, 1954, стр. 271. Далее об этом упоминает, не называя Левку (только νῆσος δ' ἐν μακάρων), древний сколион в честь Гармония и Аристоктиона (Scolia anonima, 11 Diehl) и точно так же Платон (Sympr. 179 E, 180 B). Ср. также Pind., Ol. II, 79 sq. (см. выше). Об этом комплексе вопросов см. также Carlle, ук. соч., стр. 252 сл.

Легенда о перенесении Ахилла на Левку основывается в конечном счете на очевидном слиянии гомеровского Ахилла, ставшего в век «просвещения» героем, и древнего бога Ахилла, которому отныне стали вновь воздавать божеские почести⁵⁵. Как мы уже имели возможность убедиться вначале на основе многочисленных источников и свидетельств, не приходится сомневаться в том, что первичным был этот бог и что в культе на острове он как его владыка играл решающую роль⁵⁶. Если это так, то в сознании милетских колонистов VII в. до н. э. наряду с само собой разумеющимся, усиленным под влиянием Гомера представлением об Ахилле-герое должен был, естественно, играть большую роль и Ахилл как объект божественного культа. О том, что так оно и было и что это знакомство с традиционным культом было, само собою, общим для всех малоазийских ионян, свидетельствует целый ряд географических названий в округе Милета, которые указывают не только на Ахилла, но и на Левку, связаны ли этот эпитом (как мы сочли вероятным) уже издавна с мифом о боте Ахилле или объясняется лишь открытием и наречением милетянами о-ва Левки⁵⁷. Ведь едва ли можно предполагать, что соответствующие мало-

⁵⁵ Вилламовиц (*Glaube der Hellenen*, II², стр. 9 сл., прим. 4) высказывается недвусмысленно: «Ахилл — это не ἦρωες» (поскольку он имеет организованный культ). «Он поднялся до бога, если он царит над Скифией» (со ссылкой на Alcæus, fr. 14 D.). «Милетяне сделали его ... владыкой этой страны...». Вилламовиц придерживался, видимо, того мнения, что милетяне первыми «возвысили Ахилла до бога».

⁵⁶ Э. Роде (ук. соч., I², стр. 183, прим. 3) по существу уклоняется от ответа, говоря: «Ахилл то считается героем, то богом». Более точно и целиком в нашем духе высказался уже Ф. Пфистер (ук. соч., стр. 468 и особенно 537). Меньше интересующиеся историко-религиозной стороной дела исследователи тем более не утруждают себя этим вопросом. Так, О. Регенбоген в работе об «Ахиллеиде» Gёте (O. R e g e n b o g e n, *Griechische Gegenwart*, 1942, стр. 5 сл., особенно стр. 26 сл.) пишет о гомеровском Ахилле: «Нам ничего не известно о происхождении этой эпической фигуры, и здесь нет смысла ставить вопрос, был ли он первоначально богом или человеком — героем племенного сказания...».

⁵⁷ По Ксенофонт (Hell. III, 2, 17; IV, 8, 17), в долине Меандра, вероятно между Приеной и Магнезией, находился городок Ахиллеон. Стефан Византийский (s. v. Ἀχιλλεῖος) знает укрепление (φρούριον) под этим именем вблизи Смирны. Правда, вопреки этому предполагали (как Ф. Пфистер), что речь идет о том же поселении, что и у Ксенофонта, которое лексикограф неправильно локализовал. Но я не вижу оснований не доверять этому автору, хорошо ориентированному в географии; Ф. Имхоф-Блюмер (F. I m h o f - B l u m e r, *Kleinasiatische Muenzen*, I, 1901, стр. 65 и рис. на табл. II, 29) предположительно и не безоговорочно отнес к городу, упомянутому Стефаном Византийским, сокращение «А» на серебряных монетах клазоменского типа. Но если это так, то поселение, названное по имени Ахилла, в районе Клазомен тем более вероятно, что там же был и город с именем Левка, точно зафиксированным на монетах. Далее, историк деяний Александра Аристобул (A t h e n., II, 43 d = J a s o b u, F G r H, II B, 139, F 6, comm. in II B, 2, стр. 511) упоминает ἐν Μίλητῳ κρήνην Ἀχιλλεῶν καλούμενην, связанный с одним из легендарных подвигов героя Ахилла. О нем же говорит и Евстахий (comm. ad Il., p. 343, 4 sqq.; этот материал свден и разобрал Ф. Пфистером в *Roschers Lexikon*, V, 1916—1924, стб. 1094 сл.). Если Э. Вюст (RE, VIa, 1937, стб. 2131) все эти локализации в округе Милета склонен считать выдумкой и если даже ни за одной из них нельзя предполагать солидного возраста, то следует все же задуматься над тем, что у Ксенофонта (Hell. IV, 8, 17) поселение Ахиллеон названо рядом с Левкофрией близ Магнезии. Это не только наводит на мысль об ассоциации с Левкой, но и вообще мы узнаем об очевидно древнейшем поселении, от которого получила свое имя почитавшаяся в Магнезии богиня Левкофрия или Левкофриена (либо же наоборот). Во всяком случае, вторгшиеся в эти места магнеты полагали, что в этом обнаруженном или божестве они узнали привычную для них Артемиду (Артемиду Левкофриену; см. O. K e r n, *Die Religion der Griechen*, I, 1926, стр. 179). Тот факт, что они дали притоку Меандра, на котором было расположено святилище, имя «Летей», свидетельствует в пользу того, что при этом думали об Артемиде специально как о богине смерти (K e r n, ук. соч., стр. 88; ср. Z i e l i n s k i, ук. соч., стр. 15). Если мы добавим к этому, что героя-кнота Магнезии звали Левкипп (W. K g o l l, RE, XII, 1925, стб. 2264; там же, стб. 2286 сл. о Левкофриене), то круг замкнется: в Ионии—родине колонизации Северо-Западного Понта — зарегистрирован целый ряд географических названий (частью весьма со-

азийско-ионийские топонимы в конечном итоге суть лишь отражение тех религиозных представлений, которые возвратились в метрополию из скифской глуши ионийской колонизационной области⁵⁸.

Уже на основе изложенного до сих пор материала можно предположить то, что я надеюсь показать в дальнейшем на базе самых различных источников. А именно, что Ахилл первоначально был владыкой мертвых, поселенных в обители блаженных в далеком море, и только затем в традиции рапсодов превратился в героя Троянского цикла.

Для Ахилла как древнего бога мертвых⁵⁹ мы имеем одно, до сих пор не распознанное, но недвусмысленное свидетельство в «Одиссее», которое, как и следовало ожидать, в соответствии с претерпевшей изменения верой в потусторонний мир изображает владыку лежащего в дальнем море острова мертвых как повелителя царства теней. Там душа усопшего Ахилла встречает Одиссея во время его путешествия в Аид («*Neugia*», Od. XI, 467 sqq.). В ходе разговора Одиссей восхваляет его как более счастливого, чем все, кто был до него и будет после (следует обратить внимание на словоупотребление ст. 483 — *μαχάρτερος!*), ибо, — говорит он, —

Прежде тебя наравне почитали с богами живого!

Все мы, ахейцы, теперь же и здесь, меж умерших, царишь ты.

(v. 484—486: ... *vũv αὐτὲ μετὰ μαχάρτερος νεκροῦσιν ἐνθάδ' εἶμι*).

Ахилл, однако, отвечает (488—491):

Не утешай меня в том, что я мертв, Одиссей благородный!

Я б на земле предпочел батраком за ничтожную плату

У бедняка, мужика безнадежного, вечно работать,

Нежели быть здесь царем мертвецов, протившихся с жизнью.

(пер. В. В. Вересаева)

(v. 491: *ἢ πάντων νεκροῦσσι χαταφθιμένοισι ἀνάσσειν*).

Здесь в словоупотреблении издалека звучат отголоски как *μαχάρων* *vũv* (v. 483), так и божественности Ахилла (v. 484), но прежде всего он дважды (v. 485 и 491) недвусмысленно именуется владыкой над всеми мертвыми. Мы лишь укажем на то, что составляет очарование и глубину этого диалога в рамках эпоса: трагизм бога, ставшего теперь человеком, который снова (*αὐτὲ!*) занимает свое прежнее место повелителя мертвых, при этом, однако, тоскует о том, как бы любой ценой выбраться в мир людей. Это означает, что владыка подземного мира мыслит целиком «гомеровски»: его нынешнее владение — это царство теней, вовсе не воспринимаемое им как места *μαχάρες*, из которого он поэтому стремится вырваться к солнечному свету⁶⁰. В интересующей нас связи самое любопытное в данном сообщении — это прямое утверждение, что Ахилл там внизу повелевает как бог мертвых, точно так же, как у Софокла написано об Аиде: *ὁ παρὰ τὸν Ἀχέροντα θεὸς ἀνάσσειν* (El. 184). От этого нельзя отделаться ссылкой на многократно появляющийся у Гомера принцип, о

лидного возраста), имеющих отношение к Ахиллу и производных от Левки, и к тому же в Магнезии прослеживаются следы древних божеств смерти. Ср., впрочем, оговорки, сделанные в прим. 16.

⁵⁸ Об этом см. прим. 35.

⁵⁹ В этой связи кажется также важным, что «Эакίδα» Ахилла считали внуком Эака, сына Зевса; последнего под влиянием орфиков наделяли функцией судьи умерших в Аиде, однако в нем, как отметил Г. Тирш (H. T h i e r c h, *Aginetische Studien*, I, «*Nachr. Ges. d. Wiss.*», Göttingen, Ph.-hist. Kl., 1928, стр. 135—166, 141), первоначально следует видеть владыку подземного мира (с чем согласен и фон дер Мюль — P. von der Mü h l l, *Kleine Schriften*, 1976, стр. 453, прим. 49). Ср. также R o h d e, ук. соч., I², стр. 311, прим.

⁶⁰ См. B u r k e r t, *Greichische Religion*, стр. 303.

котором мы уже говорили: кем был человек при жизни, тем он стал и там внизу — ведь Ахилл никогда не был на земле владыкой: ни у себя на родине, где правил переживший его отец Пелей ⁶¹, ни среди ахейцев под Троей, где Агамемнон не раз давал ему почувствовать свое превосходство ⁶². Напротив, Одиссей ссылается на то (если применять названный принцип), что Ахилл уже при жизни почитался наравне с богами, как и потом — можем мы добавить — в царстве теней он достиг своей славы среди мертвых как бог. Итак, по этому месту эпоса мы ясно видим, как продолжают сохраняться и еще более четко проявляться в видоизмененном облике древние пласты верований, так что мы в состоянии их распознать и разгадать. Резюмируем: Ахилл — бог мертвых, верховный владыка в царстве *μῆχαρες* оставил в «Одиссее» свой распознаваемый след.

Мы не знаем точно, стояла ли уже в том догреческом пласте, из которого происходит представление об Элизии заморского острова блаженных, рядом с владыкой этого царства в качестве женского соответствия некая владычица мертвых, — хотя к примеру, бесспорно доэллинический образ Артемиды несет на себе несомненные характерные черты богини смерти ⁶³, точно так же как имя Персефоны — повелительницы подземного мира — в его многочисленных вариантах позволяет заподозрить догреческое происхождение ⁶⁴. Во всяком случае греческое мышление — в соответствии с моделью патриархального строя общества — требовало для бога мертвых, водворившегося в свои владения, также и его женского соответствия. Поэтому и Ахиллу на Левке была придана спутница, которая — по версии соответствующих источников — либо просто делит с ним его новую обитель, либо вместе с ним владычествует над мертвыми. Чаще всего это Елена, Медея, Ифигения, Поликсена и Диомеда, которые, смотря по обстоятельствам, в различных пластах традиции награждаются этой привилегией ⁶⁵. Но в этой же связи можно вспомнить и о его главной противнице — амазонке Пентесилее ⁶⁶. Как бы то ни было, все это —

⁶¹ По «Одиссее» (XI, 494 sq.), Пелей располагал *τιμὴν* в городах мирмидонян, а Ахилл просто его «помощник» (*παρωγός* — v. 498). Слова Агамемнона, иронически адресованные Ахиллу (II, I, 179 sq.): οἰκᾶδ' ἰὼν ... Μυρμιδόνεσσιν ἀνασσεῖ σέθεν δ' ἐγὼ οὐκ ἀλεγίζω, никак не противоречат этому предположению (ср. след. прим.). Равным образом и тот пассаж (II, I, 280 sq.), где Нестор напоминает Пелидам о том, что Агамемнон обладает большей властью, распоряжаясь большим числом людей, не должен вынуждать нас отказаться от нашей точки зрения, тем более, что при этом отдается предпочтение божественному происхождению Ахилла. Поэтому Ф. Гшницеру (ук. соч., стр. 6, прим. 5) не было никакой нужды отвергать оба этих стиха. См. также след. прим.

⁶² По этому поводу см. важные соображения Ф. Гшницера в его работе «Politische Leidenschaft im homerischen Epos» (стр. 3 слл.; с литературой). Если в «Илиаде» (I, 176) Ахилл упоминается в ряду *διοτρεφέες βασιλῆες*, то здесь речь идет просто о том, чтобы провести различие между «великими мужами из окружения Агамемнона» и самим «царем» (там же, стр. 6, прим. 5). Историю термина *βασιλεύς* Ф. Гшницер фундаментально исследовал уже раньше (ΒΑΣΙΛΕΥΣ, ein terminologischer Beitrag zur Frühgeschichte des Königtums bei den Griechen, в кн.: «Festschrift Leonhard C. Franz», 1965, стр. 88 слл.), придя к выводу, что слово *βασιλῆες* первоначально обозначало «знатных в народе и войске», в то время как *βασιλεύς* в смысле «царь» — вторичное, производное отсюда значение, причем оба словоупотребления долгое время сосуществовали.

⁶³ Nilsson, ук. соч., I², стр. 482, ср. стр. 541 и 723. См. об этом также выше прим. 58.

⁶⁴ Frisk, ук. соч., II, стр. 517 сл.

⁶⁵ Подробно об этом: Fleischer, в кн. Roschers Mythologisches Lexikon, I, 1884, стр. 56 слл.; совсем кратко с важными указаниями источников: Escher, RE, I, 1894, стб. 240 сл. Кроме того, с обобщениями: Rohde, ук. соч., II², стр. 370; Capelle, ук. соч., стр. 1195.

⁶⁶ Так: Gure, ук. соч., I, стр. 617. В примечаниях автор с полным правом выступает против предположения Вилламовица о позднем возникновении этого сказания, особенно принимая во внимание Ифигению.

отзвуки тех древнейших представлений, по которым бог мертвых не мыслится без паредры. По-видимому, все перечисленные образы более или менее тесно связаны с потусторонней сферой, что и делает их подходящими для этой роли. Вряд ли дело тут в том, что Елена была предназначена Ахиллу на Левке как прекраснейшая и великолепнейшая среди женщин⁶⁷ или, «поскольку она еще при жизни героя была тесно с ним связана»⁶⁸. Скорее, она как «древняя минойская богиня растительного мира»⁶⁹ также связана с царством мертвых⁷⁰. Не лишено основания предположение Нильсона о том, что и в истории о похищении Елены Тезеем она есть не что иное как двойник владычицы подземного мира Персефоны, которую Тезей тоже однажды пытался увести⁷¹. Во всяком случае Елена — сама в конечном счете доэллинское божество — могла быть древнейшей, даже, по-видимому, первоначальной паредрой бога мертвых Ахилла.

Несомненно моложе в этой роли Медея, хотя бы уже потому, что она носит греческое имя; она, вероятно, стала спутницей Ахилла уже только в Понте, на Левке, так как основная часть сказания о ней помещает ее в Причерноморье, а именно, в Колхиде⁷². Ведь то, что «пещера», с которой

⁶⁷ K. Lehms, *Populäre Aufsätze* 2, 1875, стр. 32; L. Radermacher, *Das Jenseits...*, 1903, стр. 59. Гёте во второй части «Фауста» углубил и расширил этот привлекательный для поэта мотив, особенно в том, что касается Эвфориона — сына обоих. К. Моммзен (K. Mommsen, *Natur- und Fabelwelt in «Faust»*, II, 1968, стр. 34 и др.) предполагает, что связь Елены с Ахиллом на о-ве Левке дала Гёте мифологическую традицию, на которой он основывается в его поэтической истории о Елене (ср., например, «Фауст», ч. II, ст. 8876 слл.; во всяком случае, в набросках Гёте упоминает остров Левку неоднократно), однако У. Петерсен (U. Petersen, *Goethe und Euripides*, 1974, стр. 196, прим. 96) противопоставил этому обоснованные сомнения. Сведения о том, что Эвфорион — сын Ахилла и Елены — был зачат и рожден на островах блаженных, Гёте почерпнул из *Hederich's Mythologisches Lexikon*, стб. 1073, но при этом, вероятно, понял, что речь идет об апокрифической версии мифологической традиции — она могла быть сочинена около 100 г. н. э. Птоломеем Хенном (см. К п а а с к, RE, VI, 1909, стб. 1174, и A. Dihle, RE, XXIII, 1959, стб. 1862). Впрочем, мотив связи Ахилла и Елены на острове Левке довольно скудно представлен в древней литературе, к примеру, в легенде Стесихора (H. Homeyer, *Die spartanische Helena... vom Altertum bis zur Gegenwart*, 1977, стр. 18) и в одном сомнительном намеке («Elysium») в Sen., *Troad*. 926 sqq. (Homeyer, ук. соч., стр. 79). Самым подробным образом с фантастичными прикрасами в начале III в. н. э. (возможно, между 215 и 249 гг.) сообщает об этой сцене поздний софист Филострат (*Heroic.*, p. 70 sq., ed. L. de Lannoy, Teubner-Sonderausgabe, Lpz., 1977, стр. 70 слл.), сочетая древние сказочные мотивы с развлекательными побасенками и гомеровской критикой, но не добавляя каких-либо существенных новых черт; см. S. Eitrem, *Symbolae Osloenses*, 8, 1929, стр. 17 сл., 42 слл.; F. Solmsen, *Philostratos*, RE, XX, 1950 (опубликована уже в 1941 г.), стб. 154 слл., о прочей литературе — в стб. 159.

⁶⁸ Carrelle, ук. соч., стр. 255, прим. 2. Естественно, Ахилл уже мальчиком мог ходить в женихах Елены, но в этой роли он всего лишь один из многих (Hes., fr. 204. 87 sqq. из «Каталога женщин» — ср. Homeyer, ук. соч., стр. 12; L. D. Clader, *Helen. The Evolution from Divine to Heroic in Greek Epic Tradition*, 1976, стр. 71, прим. 63).

⁶⁹ Nilsson, ук. соч., I², стр. 211, ср. стр. 315; ср. также Clader, ук. соч., стр. 71.

⁷⁰ E. Bette, *Helene*, RE, VII, 1912, стб. 2825, стк. 25 слл., 40 слл.; только автору не следовало бы далее (стб. 2828, стк. 14 слл.) отвергать связь Елены и Ахилла как «поэтическую выдумку».

⁷¹ Nilsson, ук. соч., I², стр. 475 сл.; его мнение скептически оценено Г. Хертером (H. Hertel, *Theseus*, RE, Supplbd. XIII, 1973, стб. 1172), который, однако, сам (стб. 1161 слл.) указывает на многочисленные связи между похищением Елены Тезеем и его нисхождением в подземное царство; там же см. многочисленные ссылки на источники. Скептически высказывается о возможности выяснить первоначальную сущность богини Елены и Виламовица (*Glaube der Hellenen*, I², стр. 226, прим. 1). На более надежных позициях стоит Кладер (ук. соч., стр. 63 слл.) в фундаментальном исследовании внегомеровских источников.

⁷² Ср. также Grue, ук. соч., I, стр. 547 сл. — о Мееде как двойнике Ифигении, насколько это касается Ахилла (там же кратко и о Диомеде).

связан ее образ, толковалась в смысле подземного мира, как когда-то предполагал Виламовиц⁷³, вызвало справедливые резкие возражения.

В интересующей нас связи наиболее плодотворным должно стать рассмотрение двух образов — Поликсены и Ифигении, легенды о которых, пусть даже неправильно поняты или перетолкованные, содержат многочисленные древнейшие черты, заставляющие нас к этим легендам прислушаться. Прежде всего Поликсена⁷⁴. Существенные ее черты выяснил Эрнст Вюст в статье «Кто была Поликсена?»⁷⁵. Эта дочь Приама была, согласно поэме «Разрушение Илиона» Арктина Милетского, принесена в жертву на могиле Ахилла: Πολυξένην σφαγιάζουσιν ἐπὶ τὸν τοῦ Ἀχιλλέως τάφον, — так кратко и скупо написано в «Хрестоматии» Прокла (274, ed. A. Severgnys, 1963). По-видимому, здесь жертвоприношение дочери вражеского вождя согласовано с уходящим глубоко в догомеровскую эпоху обычаем давать умершему герою с собой для загробной жизни спутницу (щадя при этом свою сторону, подобно тому как ранее при погребении друга Ахилла — Патрокла — были убиты десять троянских юношей, чтобы они там внизу служили ему спутниками)⁷⁶. Другие источники сообщают об этом подробнее — прежде всего Еврипид, который в «Гекабе» и других местах многократно говорит о том же самом приношении в жертву Поликсены⁷⁷. При этом не меняет дела то, что поэт ищет разумных объяснений, которые должны были бы сделать этот жестокий обычай приемлемым для сознания более поздней эпохи⁷⁸.

Почему была выбрана именно Поликсена, не мотивируется, но у Себеки (Troad. 203, 370) рационалистически указано на то, что якобы Ахилл уже при жизни возжелал взять ее в супруги и теперь после своей смерти выполняет это желание⁷⁹. В тот же контекст можно поставить и сказание о Троиле, где Ахилл выступает в роли ревнивого любовника Поликсены, убивает соперника и преследует возлюбленную⁸⁰. Чтобы добраться до смысла этого мифа, Э. Вюст объясняет ситуацию слишком сложно, вводя

⁷³ W i l a m o w i t z, Griechische Tragödien, III, стр. 171 сл. (но ни слова об этом в «Glaube der Hellenen»). Противоположное мнение: A. L e s k y, Medeia, RE, XV, 1932, стб. 49.

⁷⁴ Для состояния изучения вопроса до Э. Вюста характерны, например, соображения Э. Пацига (E. P a t z i g, BZ, 25, 1925, стр. 1 слл., особенно стр. 5 слл., 12 сл.), он говорит о «Романе о Поликсене», который он считает поздним.

⁷⁵ E. W ü s t, «Gymnasium», 56, 1949, стр. 205—213. Ср. ту же статью Polyxena, RE, 1952, стб. 1840 слл.

⁷⁶ II. XXIII, 475. Об этом см. E. S a m t e r, Volkskunde im altsprachlichen Unterricht. 1. Homer, 1923, стр. 154 сл. Там же и о Поликсене. Оба сказания сравнивает также Гриффин (J. G r i f f i n, JHS, 97, 1977, стр. 45), но пытается, однако, объяснить их целиком рационалистически.

⁷⁷ E u r i p., Нес. 40 sqq., 94 sq., 195 sq. etc; Troad. 260 sqq.; ср. S e n., Troad. 361 sqq.

⁷⁸ В случае с троянскими юношами — актом мести, в случае с Поликсеной — жертвой, чтобы добиться попутного ветра; см. S a m t e r, ук. соч.

⁷⁹ W ü s t, ук. соч., стр. 207, с указанием на более ранние источники, использующие тот же мотив. История любви Ахилла и Поликсены подробнее всего описана в романе Диктиса Критского, восходящем, по меньшей мере, к нероновскому времени и дошедшем до нас в латинской версии IV в. н. э. (ed. W. Eisenhut, 1958). Отсюда Гёте почерпнул материал для наброска своей «Ахиллеиды», где в центре событий был поставлен тот эпизод, который кончался убийством Ахилла как раз перед намечавшейся его свадьбой. В 1799 г. он создал лишь большую часть первой из восьми предполагавшихся песней. Тем не менее из его набросков и схем можно восстановить с определенной уверенностью действие всей поэмы; этим занялся недавно, проявив проницаемость и интуицию, В. Шадевальдт (Goethes Achilleis. Rekonstruktion der Dichtung, в кн. W. S c h a d e w a l d t, Goestudien..., 1963, стр. 301—395, 495—498; на важнейшие места из романа Диктиса Критского указано на стр. 496, прим. 12 и 13). Ср. также R o b e r t, ук. соч., стр. 1189 слл. (о Диктисе — стр. 1191 сл.).

⁸⁰ W ü s t, ук. соч., стр. 207 слл.

в игру Аполлона, который по древнейшей версии легенды убил Ахилла, и не забывая также об истории с Троилом. Но поскольку исследователь пошел тут ложным путем, мы можем не касаться его гипотез. Однако в одном своем утверждении Вюст подошел вплотную к истине, и потому здесь мы к нему присоединяемся. А именно, он объясняет сущность Поликсены, исходя из ее значащего имени⁸¹, сравнивая его с многочисленными эпитетами бога мертвых Аида, такими, как *δεξιλος*, *λαοδοκος*, *νεκροδέμων*, *πολυδέμων* и т. д. (он мог бы сюда добавить также и *πολύξενος*⁸²). Отсюда Вюст заключает, что *Πολυξένη* — это эвфемистическое название — «Многостеприимная», функцией ее было принимать мертвых в Аиде, так что она может быть охарактеризована как владычица над мертвыми и вместе с тем как супруга повелителя подземного мира, названного *πολυδέμων* (или *πολύξενος*).

Если, установив все это, мы приступим к вопросу о боге Ахилле как властителе царства мертвых, не забывая при этом, что на Левке Поликсена была ему отдана в супруги, то мы придем к разгадке, к которой Вюст подошел вплотную, но которая не могла не остаться для него нераскрытой, поскольку он упустил из виду в этой связи вопрос о паредре Ахилла. Кроме того, он не заметил, что несколько ранее другой ученый, отправляясь из другой исходной точки, напал на тот же след, также не сделав того последнего шага, который мы и собираемся сделать теперь. А именно, Отто Группе уже в 1906 г. высказал одну из многих — находимых в его попутных замечаниях — врезанных догадок, заключив на основании более краткого, чем у Вюста, списка эпитетов Аида, среди которых появился и дважды встречаемый у Эсхила *πολύξενος*⁸³, что название Черного моря «Понт Эвксинский», очевидно, заимствовано из наименований Аида⁸⁴. Итак, Вюст распознал в Поликсене — «Многостеприимной» — богиню мертвых, Группе же распознал в Понте Эвксинском «гостеприимное море», принимающее мертвецов⁸⁵. Это имя было дано морю, видимо, милетянами, после того как они стали считать, что, открыв остров Левку, они нашли царство мертвых. С этим хорошо согласуется более новое объяснение этого зловещего имени. Славист Макс Фасмер первым предположил, — с чем согласилось большинство праисторов, — что милетяне заимствовали скифское имя этого моря, сопоставимое с персид-

⁸¹ На это же указывают и продемонстрированные Вюстом (ук. соч., стр. 211; ср. RE, XXI, стб. 1844) моменты сказаний, где приносящая смерть Поликсена неразрывно связана с Эриниями.

⁸² То, что он этого не сделал, тем более странно, поскольку в статье *Poluxenos*, 1, RE, XXI, 1952, стб. 1851 сл., он тщательно собрал источники для этой «эпиклезы Аида-Плутона». Ср. также след. прим.

⁸³ G r u p p e, ук. соч., I, стр. 400, прим. 2. Он называет (выборочно документирован): *Πολυδέμιττης*, *Πολυδέμων*, *Νεκροδέμων*, *Πάνδοκος* и *Πολύξενος* (A e s c h., Nic. 157; fr. 228 N.), а также *Πάγκοινος*, *Πολυκοίνος*, *Παγκοίτας*.

⁸⁴ G r u p p e, ук. соч., I, стр. 389, с указанием на каталог (стр. 400) прозвищ Аида (см. пред. прим.). Общепринятое до тех пор объяснение этого имени как эвфемизма вместо «негостеприимного», бурного моря есть уже у Аммиана Марцеллина (XXII, 8, 33), который также характеризует его как иронию (*a contrario per cavillationem*), приводя в качестве пояснительных аналогий такие слова, как *εὐφρονης*, *εὐφρονη*, *Εὐμενίδες*.

⁸⁵ Следует подчеркнуть, что, видимо, вскоре после Группе, но, вероятно, совершенно независимо от него, аналогичное толкование Понта Эвксинского как «гостеприимного» моря царства мертвых было предложено русской исследовательницей С. Меликовой и опубликовано И. Толстым (Остров Белый..., стр. IV и 153; см. также D i e h l, Gn., стр. 637 сл., и — точнее — RE, стб. 7). Э. Диль заметил (Gn., стр. 643), что это «удачное толкование названия Понта Эвксинского», еще, по мнению Толстого, «вполне заслуживает обстоятельной монографии». Однако таковой, кажется, не последовало, и названные ученые не сделали последнего шага в определении бога Ахилла как владыки мертвых в далеком заморском потустороннем мире.

ским *axšaina* — «синий, черный», что греки передали как *αἴσινος*⁸⁶. Легкая модификация в *Πούτος Εὐξεινός* связана, по нашей трактовке, не с эвфемистическим переименованием бурного моря (как то было принято считать до сих пор), но с тем, что под «гостеприимным морем» понималось, скорее, как показано выше, царство мертвых — область владычества «Поликсены».

От высказанных нами выше соображений, действительно, лишь один, совсем небольшой шаг (который мы решительно делаем, идя по стопам Вюста и Группе) до Ахилла, названного позже Понтархом, который царит вместе с Поликсеной на Левке в Понте Эвксинском как владыка мертвых, в какой-то роли мы и встречаем его в «*Neukia*». Сделать этот шаг тем легче, что легенды о последней требующей рассмотрения спутнице Ахилла в стране мертвых — Ифигении, дают нам множество подкрепляющих моментов.

Теперь нам предстоит говорить об Ифигении. Когда греческий флот под началом Агамемнона собрался в авлидской бухте напротив Эвбеи и был готов к походу на Трои, то вдруг неожиданное безветрие помешало ему отплыть — так повествует на основании более древних преданий начало Еврипидовой «Ифигении в Авлиде»⁸⁷. Прорицатель Калхант, к которому обратились с вопросом, установил, что причина кроется в прекращении Агамемнона перед Артемидой, и возвестил, что для искупления святотатства и как условие для отплытия флота богиня требует принести в жертву царскую дочь Ифигению. Чтобы выманить ее у матери из Аргоса, Агамемнон послал супруге коварное письмо с вестью, что его дочь будто бы должна сочетаться браком с Ахиллом. Таким образом, просвечивающая здесь на заднем плане предназначенность друг другу божественной четы — Ахилла и Ифигении — заимствована из древнего сказания; но уже автором «Киприй» она рационалистически настолько искусно вплетена в действие как завязка интриги⁸⁸, что Виламовиц счел всю фабулу целиком выдумкой этого поэта⁸⁹.

⁸⁶ M. V a s m e r, *Osteuropäische Ortsnamen*, Dorpat, 1921, стр. 3 слл.; далее см. F r i s k, ук. соч., I, 1960, стр. 590; P. C h a n t r a i n e, *Dictionnaire etymologique de la langue grecque*, II, 1970, стр. 386.

⁸⁷ E u r., *Iph. Aul.*, 87 sqq., 350 sqq. и множество сходно звучащих античных свидетельств, для первого знакомства с которыми можно указать на статьи s. v. *Iphigeneia* в «*Roschers Mythologisches Lexikon*», II, 1, 1890, стб. 298 слл. (Stoll) и прежде всего в RE, IX, 1916, стб. 2588 слл. (Kjellberg). См. также Н. H u n g e r, *Lexikon der griechischen und römischen Mythologie*¹, 1953, стр. 10 сл. и прим. 3 (s. v. *Agamemnon*) и стр. 159 слл. (s. v. *Iphigeneia*). Во всех статьях подчеркивается первоначальный характер этого мифологического образа как богини плодородия, предположительно, хтонической природы, и отсюда — как богини мертвых.

⁸⁸ P r o s t., *Chrest.*, ed. Severyns, 139 слл.: *Ἰφιγένειαν ... ὡς ἐπὶ γάμον αὐτὴν Ἀχιλλεὶ μεταπέμφαντες θύει ἐπιχέροντιν.* «*Ἄρτεμις δὲ αὐτὴν ἐξαρπάσασα εἰς Ταύροις μετακομίζει καὶ θύει αὐτὴν ποτεί...*» Впрочем, древнее предание о связи Ахилла с Ифигенией нашло отзвук уже у Гомера (II. IX, 145 sqq., 287 sqq.), где она названа Ифианассой и где Ахилл уже рационалистически получает право выбрать себе в жены одну из трех дочерей Агамемнона (сдержанная оценка этой версии: K j e l l b e r g, ук. соч., стб. 2601 сл.). При этом форма имени «Ифианасса» — «властвующая силой» — ближе подходит первоначальной функции этой богини; напротив, «Ифигения», видимо, более поздняя форма и может относиться к ее особой ипостаси «богини, помогающей при родах» (ср. Артемиду и Илифию). Иначе думает В. Кульман (W. K u l l m a n n, *Die Töchter Agamemnonns in der Ilias*, «*Gymnasium*», 72, 1965, стр. 200—203, особенно стр. 202), который, однако, тоже считает имя «Ифианасса» более древним, чем «Ифигения», тогда как А. Хойбек (там же, 71, 1964, стр. 63) приписывает переименование Ифигении только создателю «Илиады». Ср. об этом также К. А. P r i e s s, *Der mythologische Stoff in der Ilias*, Diss., Mainz, 1977, стр. 126 и прим. 2. Естественно, эти греческие имена, которые могут основываться на переводе, вовсе не мешают нам признать, что речь в конце концов идет о догреческом божестве (K j e l l b e r g, ук. соч., стб. 2589).

⁸⁹ U. v. W i l a m o w i t z, *Iphigeneia*, «*Hermes*», 18, 1883, стр. 250 сл. (ср. K j e l l b e r g, ук. соч., стб. 2603). Виламовицу дело представляется таким образом,

В «Ифигении в Авлиде» Еврипида после сложной завязки, которая, конечно, может быть обязана своим возникновением фантазии трагика, действие возвращается в русло более древней мифологической традиции: дева приносится в жертву богине, но в последний момент та не то чтобы спасает ее и возвращает поюсторонней жизни, но переносит ее в потусторонний мир и там посвящает служению самой богине. Поскольку при этом речь идет о стране, куда и герой Ахилл был перенесен после смерти, чтобы там снова обрести черты бога, и поскольку, согласно одной античной версии мифа, Ифигения на Левке является нам как супруга Ахилла (Ἀχιλλεὺς συνοικίος и как ἀθάνατος δαίμων)⁹⁰, постольку напрашивается вывод о том, что его спутница в более древнем пласте мифа сама царит там подле Ахилла как владычица мертвых, с тем чтобы, подобно Поликсене, так сказать, ее двойнику, «гостеприимно принимать» мертвых. К сопоставлению ее с Поликсеной⁹¹ побуждает, впрочем, и то, что для обеих устанавливается тесная близость — даже идентичность — ситуации в древнем сказании и что более поздняя мифологическая версия, содержащаяся у Еврипида, в известной степени распределяет их равноправно: одну она делает дочерью троянского царя, другую — дочерью военачальника греков. Эта более поздняя легенда объясняет, и, соответственно, переосмысливает власть Ифигении над мертвыми таким образом, что она как жрица Артемиды, служа богине, должна была убивать всякого чужеземца, который ступит на таврскую землю. Так сообщает Геродот, так же рассказывает Еврипид в «Ифигении в Тавриде»⁹².

Этот миф, известный нам преимущественно по названной трагедии, который позднее переделал и гуманизировал Гёте, содержит, однако, еще некоторые моменты, которые без труда укладываются в наш тезис о том, что, согласно древней традиции, Ифигения вместе с Ахиллом правит в Скифии над царством мертвых. Так, Тоант, являющийся у Еврипида и других авторов царем Таврии⁹³, после всего вышесказанного может считаться не кем иным, как рационализированным и перенесенным в этот мир двойником бога Ахилла. В пользу этого может говорить имя «Тоант», связанное, видимо, с греческим *θαός* — «быстрый»⁹⁴, которое, таким об-

что Ахилл, только после того как он «был перенесен на остров Левку и последняя (первоначально мифический светлый остров блаженных...) была локализована на скифском побережье, ... стал соседом Ифигении — таврической богини». «Это отразилось на его земной жизни». Позже тот же исследователь (Glaube der Hellenen, I, 1934, стр. 181, прим. 4; I², 1955, стр. 178, прим.) представил дело так, что перенесение Ифигении к таврам было «выдумкой одного человека, скорее всего Еврипида». Я цитирую эти нерешительные рассуждения заслуженного ученого потому, что они показательны для тогдашнего состояния исследования, которое не сумело осознать глубокую древность мифов об Ахилле и Ифигении, а также существовавшую искони их тесную взаимосвязь. Подробнее см. об этом ниже; ср. также R o b e r t, ук. соч., стр. 1095 слл.⁹⁰ A n t o n. L i b e r., 27 (Mythographi Graeci, II, 1, 1896, ed. Martini); ср. A m m. M a g s., XXII, 8, 34 sq.

⁹¹ То, что Поликсена должна рассматриваться как своего рода двойник Ифигении, находит свое выражение в трактовке этого материала трагиками V в. и далее вплоть до Сенеки. Так, например, В. Фридрих (W. H. F r i e d r i c h, Euripides und Diphilos..., 1953, стр. 35 слл., 98 слл.), для которого важна только поэтическая трактовка мифологического наследия, постоянно говорит о копировании сюжета, связанного с Ифигенией, сценами, где выступает Поликсена.

⁹² H e r o d., IV, 103; E u r., Iph. Taur. 34 sqq.; об этом из последних работ см. D. S a n s o n e, «Rhein. Mus.», N. F., 121, 1978, стр. 35 слл.

⁹³ См. O. I m m i s c h, Thoas, в кн.: Roschers Mythologisches Lexikon, V, 1916, стб. 814 слл.; K. S c h e r l i n g, RE, Supplbd. VII, 1940, стб. 1563 слл. с указанием источников.

⁹⁴ F r i s k, ук. соч., I, 1960, стр. 668, s. v. *θαός*; C h a n t r a i n e, ук. соч., II, 1970, стр. 433, s. v. *θαός*. Еврипид (Iph. Taur. 32 sq.) объясняет имя царя Тоанта как *ὄχος πόδα*, которое он получил *πόδωκίαις χάρτιν* — см. I m m i s c h, ук. соч., стб. 802.

разом, великолепно подходит к «быстроногому» (*ποδας ὀκίς*) Ахиллу. Этот эпитет, в конечном счете, мог быть, вероятно, прозвищем древнего бога смерти, который в «героическую» эпоху набрасывается на людей внезапно, так же как у нас звучит в песне, ставшей популярной благодаря Шиллеру:

Внезапно смерть подкрадывается к людям...⁹⁵

И Гёте в духе древнейшей мифологической версии проявил завидное чутье, когда он в своей драме заставил царя Тоанта просить руки жрицы Ифигении, а потом хитрой подменой почти идентифицировал ее с богиней смерти Артемидой. И действительно, она может считаться просто вариантом этого божества⁹⁶, что следует из комбинации двух античных свидетельств. Антоний Либерал в своих прозаических «Метаморфозах» (*Metamorph.* 27) рассказывает⁹⁷, что Артемида сама, «когда пришло время» (*κατὰ ὑπόθεσιν*), отпустила Ифигению из своего услужения к Ахиллу, сделала ее богиней и затем назвала Орсилохией, т. е. как бы дала ей собственное имя, поскольку, согласно Аммиану Марцеллину (XXII, 8, 34), Орсилоха есть наименование Артемиды, которое она носила в стране тавров⁹⁸.

Если разобранные здесь черты удивительно хорошо, почти без остатка, согласуются с реконструированным образом древнего бога Ахилла, то все же нельзя при этом не подчеркнуть два следующих момента. Во-первых, то, что образ Тоанта вплетен и в другие мифологические циклы⁹⁹: так это было в Этолии или Коринфе, на Итаке, где он появляется как брат Пенелопы, или — как сын Диониса и Ариадны на Лемносе — здесь, впрочем, не без связи с нашим таврским царем. Во-вторых, то, что сказание об Ифигении представляет также очень сложное образование¹⁰⁰. Принимая во внимание то и другое, наш тезис может звучать так: на основе того круга мифов об Ифигении, который использован Еврипидом в обеих посвященных ей драмах, можно отчетливо распознать в ней спутницу бога смерти Ахилла в Северном Причерноморье и даже самое владычицу в царстве мертвых, а Тоант, поскольку он связан со сказанием об Ифигении, есть двойник бога смерти Ахилла.

Итак, новое и основательное исследование обоих мифических образов — Ифигении и Тоанта — на полученной теперь базе предлагаемых здесь выводов — насущное требование науки; оно дает возможность еще дальше осветить сплетение перерастающих одна в другую ветвей мифологического предания. И наконец, следует еще бросить взгляд на этимологию нескольких важных для нас имен — нельзя ли и с этой стороны ожидать подтверждения нашего тезиса? В случае с Тоантом мы уже получили обнадеживающее указание на семасиологическое сходство с эпиклезой Ахилла (*ποδας ὀκίς*, *ποδοκίς* и *ποδορκίς*). Что же касается самого имени этой центральной в эпосе фигуры, то мы тут до сих пор не

⁹⁵ Ф. Шиллер, Вильгельм Телль, конец IV акта.

⁹⁶ Так, Л. Радермахер (*Das Jenseits...*, стр. 56 слл.), чтобы не перечислять здесь многих других авторов, разделяющих ту же точку зрения, говорит о «двойнике» и об обеих как о «различных выражениях представления об одном и том же божестве» (ср. K j e l l b e r g, ук. соч., стб. 2603 со ссылкой на N e g o d., IV, 103).

⁹⁷ При этом он будто бы черпает из произведения эллинистического поэта Никандра из Колофона (III в. до н. э.) «Heteroiumene»; см. W. K r o l l, RE, XVII, 1937, стб. 254 слл.

⁹⁸ K r u s e, RE, XVIII, 1, 1942, стб. 1419; автор выступает за идентичность обеих форм имени. Примечательно, что эти имена происходят из той же «повивальной» сферы Артемиды, как и, предположительно, — Ифигении (см. выше прим. 88).

⁹⁹ I m m i s c h, ук. соч., стб. 803 слл.; A. M o d r z e, RE, VI A, 1937, s. v. *Thoas*, стб. 297 слл.

¹⁰⁰ S t o l l, ук. соч., стб. 298 слл.; K j e l l b e r g, ук. соч., стб. 2588 слл.

обрели твердой почвы. Догреческое происхождение имени Ἀχιλλεύς в настоящее время настолько очевидно, что нас больше не должны смущать древние попытки объяснения, чаще всего оперирующие со словом ἄχος — «боль, печаль»¹⁰¹. Учитывая близкое фонетическое родство с названиями рек Ἀχελῷος и (в том, что касается корневого слога) Ἀχέρων, равно как и с этниконом Ἀχαιοί — народом, жившим отдельными племенами исключительно у моря¹⁰², можно предположить связь с «водой». Желаящего делать отсюда заключение следует предостеречь — ввиду установленных нами и другими исследователями характерных черт образа Ахилла — от чересчур поспешного вывода, будто он просто водное божество. Скорее, здесь следует говорить о владыке царства мертвых, расположенного, по поверьям, в далеких водных пространствах, куда нужно добираться либо через Океан, либо через Черное море, либо, наконец, всего лишь через реку, подобную подземному потоку Ἀχέρων. Как бы то ни было, идентичность корневого слога Ἀχ- в имени и в названии этой реки подземного мира, равно как и в производном от него Ἀχερουσία λίμνη, однозначно указывает в этом направлении. Этому не противоречит и схожесть имен Ἀχιλλεύς и Ἀχελῷος, распространяющаяся, быть может, также на суффикс. И если прежде в Ἀχελῷος спешили усмотреть просто «первоток, которому обязаны своим существованием воды всех рек и источников»¹⁰³, то сейчас считают, что в случае с его именем речь, видимо, может идти вообще о «всеобщем обозначении воды, т. е. реки» или моря¹⁰⁴ и даже о том, что это имя только начиная с Гомера было вытеснено словом «океан»¹⁰⁵. Недавно швейцарский ученый Г.-П. Излер в монографии, посвященной образу Ахелоя¹⁰⁶, консультируясь с Э. Рием, пошел так далеко, что постулировал весьма тесную языковую связь между Ἀχέρων¹⁰⁷ и Ἀχιλλεύς, и особо подчеркнул в древнем догреческом водном божестве Ахелое хтоническую природу и связь его со смертью и подземным миром. В этой связи стоит вспомнить о греческом названии серебристого тополя — ἀχερωίς, который царь теней Плутон взрастил в своем царстве в честь похищенной им нимфы, одной из океанид; нимфа эта — к нашему удивлению — носит имя «Левка»!¹⁰⁸ Согласно Страбону (X, 2, 1, р. 450) и Стефану Византийскому (s. v. Ἀχελῷος), древнее название этой реки звучало как «Тоант»¹⁰⁹, это, видимо, подтверждает наше предположение о том, что бог Ахилл и весь его круг должен быть поставлен в связь с потусторонним миром¹¹⁰.

¹⁰¹ О попытке П. Кречмера отстоять это устаревшее объяснение см. ниже. Ср. F r i s k, ук. соч., I, стр. 201. Осторожнее — C h a n t r a i n e, ук. соч., I, стр. 150.

¹⁰² Как «жители побережья» толкуются Ἀχαιοί в кн.: W. M e r l i n g e n, Eine ältere Lehnwörterschicht im Griechischen..., Bd. 2, 1967, стр. 43 слл.

¹⁰³ W e n t z e l, RE, I, 1894, стб. 214; ср. Н. P. I s l e r, Acheloos. Eine Monographie, 1970, стр. 109 слл.

¹⁰⁴ N i l s s o n, ук. соч., I², стр. 239.

¹⁰⁵ K. G ü n t h e r, Altgriechische Bauern- und Hirtengötter, «Klio», 36, 1944, стр. 145 слл. (стр. 145—163 об Ахелое), особенно стр. 149 слл., ср. стр. 153.

¹⁰⁶ I s l e r, ук. соч., стр. 113 слл., 202 (специально об этом стр. 113 и прим. 446 сл.). Ср. также S c h m i d t, ук. соч., стр. 114 и 117 слл.

¹⁰⁷ Со ссылкой на засвидетельствованное и в других местах догреческое чередование λ/ρ, например, в древнем названии рыбы σάλπη соотв. σάρπη (см. об этом F r i s k, ук. соч., II, стр. 674). Он также напоминает о том, что имя Ахилла в линейном письме В звучало бы a-ki-re-u и т. п.

¹⁰⁸ G r u p p e, ук. соч., II, стр. 791, прим. 1 (ср. стр. 868, прим. 2), по S e r v. ad Verg., Ecl., VII, 61.

¹⁰⁹ M o d r z e, ук. соч., стб. 297.

¹¹⁰ Упомянутые в прим. 7 примитивные рисунки в ранних граффити с посвящениями богу Ахиллу из окрестностей Березани используют чаще всего в качестве сюжета наряду с такими хтоническими символами, как змея, особо также и обозначенную волнистыми линиями воду, что согласуется с нашим толкованием имени Ахилла и его функцией (см. рис.).

Граффити VI в. до н. э. с посвящениями Ахиллу из раскопок поселения Бейкуш (по А. С. Русяевой)

Вероятно, в том же направлении указывает и тот факт, что в 21-й песни «Илиады» герой Ахилл прямо-таки демоническим образом сражается с речными божествами Трояды и с их сыновьями ¹¹¹ (среди которых упоминается и «могучий Ахелой» — П. XXI, 194) и предвидит при этом собственную смерть.

Если Пауль Кречмер, который, в противоречии со сказанным все еще держится старой этимологии, выводящей имя Ахилла из греческого *ἄχος* (в чем с ним сегодня уже нельзя согласиться), то все-таки этот исследователь в той же связи дает нам в одной важной статье ¹¹² краеугольный камень для нашей постройки. Он указывает на мифическую родину Ахилла, а именно на Фтию, и на имя ее обитателей, с которыми тот отправился на Троянскую войну — на мирмидонян. Оба эти названия — мифические и только рационалистический образ мышления географически локализовал их, поместив в Фессалии, и это, возможно, связано с тем, что родину

¹¹¹ S ch a d e w a l d t, Der Aufbau der Ilias, стр. 62 сл.

¹¹² P. K r e t s c h m e r, Mythische Namen. 1. Achill, «Glotta», 4, 1913, стр. 305—308. Сообщение об этом см. E. V e r n e r t, Phthia, RE, XX, 1941. На обе эти работы, подтверждающие мою интерпретацию истоков образа Ахилла, впервые обратил мое внимание в 1958 г. мой ученик К. У. Каценвадель (Фрайбург). На наблюдения Кречмера не ссылается и К. Роберт (ук. соч., стр. 767).

Пелея, отца Ахилла, из-за схожести названий пытались искать в области Пелеонских гор ¹¹³.

Прежде чем мы обратимся к кречмеровскому толкованию обоих эпитомов, следует попутно обратить внимание на возросший на фессалийской почве культ Пелея и его потомков — особенно на культ могилы Ахилла, который фессалийцы отправляли потом в честь своего мнимого соотечественника. Об этом сообщает нам в начале III в. н. э. софист Филострат в «Героике», цитируя при этом слова одного гимна Фетиде ¹¹⁴, который фессалийцы пели по пути, перед тем как высадиться у могилы Ахилла. В этом гимне говорится о великом сыне этой богини Ахилле (ст. 2 слл.):

τοῦ
θνατὰ μὲν ὅσον φύσις ἦνεγκε,
Τροία λάχε' σὺς δ' ὅσον ἀθανάτου
γενεᾶς παῖς ἔσπασε, Πόντος ἔχει.

Т. е. его смертная часть досталась Трое, а тем, что происходит от бессмертного рода его матери, владеет Понт ¹¹⁵. Если мы и не вправе датировать этот гимн слишком ранним временем ¹¹⁶, то все равно ничто не говорит против того, что эти лирические анапесты действительно пелись на фессалийских празднествах подле могилы Ахилла и что содержание стихов укладывается в подлинную древнюю культовую традицию.

Этот несколько вычурный гимн есть свидетельство того раздвоения образа Ахилла на бога и героя — раздвоения, с которым греки должны были справляться начиная с гомеровских времен, и когда-нибудь на свой

¹¹³ Ср. A. L e s k y, Peleus, RE, XIX, 1938, стб. 271 сл.; J. S c h m i d t, Mymidones, RE, XVI, 1935, стб. 1109. Показательны напряженные, но практически безуспешные попытки английских археологов идентифицировать в области Сперхея по многочисленным найденным там остаткам микенской эпохи гомеровские топографические указания о территории владений Пелея: R. H. S i m p s o n, J. F. L a z e n b y, The Kingdom of Peleus and Achilleus, «Antiquity», 33, 1959, стр. 102 слл. (разыскивая Фтию особенно на основании: I, 1, 155; II, 683 сл.; IX, 359 слл.: 395).

¹¹⁴ P h i l o s t r., Heroic. (ed. de Lanno) стр. 68 (гл. 53, § 208). Кратко упоминают об этом песнопении: R o h d e, ук. соч., II², стр. 373 сл., прим. 1; W. H. R o s c h e r, в кн.: Mythologisches Lexikon, V, 1916—1924, стб. 792; E i t r e m, «Symbolae Osloenses», 8, 1929, стр. 43; M. M a y e r, Thetis, RE, VI, A, 1937, стб. 209.

¹¹⁵ Большинство изданий (за исключением авторитетного долгое время издания К. Л. Кайзера) вполне оправданно пишет слово Πόντος с заглавной буквы, что прекрасно подходит к Ахиллу Понтарху (см. об этом выше).

¹¹⁶ L. R a d e r m a c h e r, Die Anrufung der Thetis, «Rhein. Mus.», N. F., 71, 1916, стр. 151 слл.; автор склонен отнести это поэтическое произведение, в частности по соображениям метрики, ко II—III вв. н. э., т. е. ко времени незадолго до Филострата. Другим аргументом, на котором он базируется, служит ему «пошлое представление», что где-то в V в. до н. э. грек приближается к кургану, считая, что бессмертная часть покойника находится в каком-то другом месте». Однако, наряду с прочими свидетельствами, здесь уместно вспомнить об одной эпитафии, которую афиняне вырезали на надгробии павших в 432 г. при осаде Потидеи (IG, I², 945, 6 сл.; W. P e e k, Griechische Grabgedichte, B., 1960, стр. 23 сл.), со стихотворным переводом, ср. стр. 328; текст и прозаический перевод см. на стр. 59, № 12):

αἰθήρ μὲν ψυχὰς ὑπέδεξάτο, σῶ[ματα δὲ χθών]
τῶνδε...

С нею уже И. Геффкен (J. G e f f k e n, Griechische Epigramme, 1916, № 87, стр. 31) удачно сопоставил два пассажа из Еврипида: Nic. 1140 sqq. (сюда же кроме того и v. 532 sqq. — P e e k, ук. соч., стр. 295) и fr. 839, 9 sqq. (из «Хрисиппа» — также лирические анапесты, как и в гимне Фетиде). Еще дальше Радермахера идет Э. Бете (F. H u h n, E. B e t h e, Philostrats Heroikos und Diktys, «Hermes», 52, 1917, стр. 613 слл., 620 сл.), когда он объявляет фессалийский культ Ахилла, равно как и гимн к Фетиде («богослужебная песнь для феоров»), выдумкой Филострата — в угоду Каракалле и, «вероятно, с намерением побудить ввести подобный культ Ахилла».

лад истолковать его ¹¹⁷. Самый ранний пример тому — возникший еще в конце VII в. до н. э. Алкеев гимн Ахиллу, если, конечно, мы сделали правильные выводы по единственной сохранившейся (начальной) строке ¹¹⁸. Следующий пример, относящийся, видимо, к III—II вв. до н. э., это эпиграмма из «Пеплоса» Псевдо-Аристотеля ¹¹⁹, заглавие которой (по всей вероятности, еще более позднее) очень точно отвечает той же ситуации: Ἐπὶ Ἀχιλλέως κειμένου ἐν Τροίῃ, τιμωμένου δὲ καὶ ἐν Λευκῇ τῇ νήσῳ

παῖδα θεῶς Θετίδος, Πηληϊάδην Ἀχιλλῆα,
ἧδ' ἱερὰ νῆσος Ποντίας ἀμφὶς ἔχει.

Заголовок производит такое впечатление, будто он дан, исходя из знания фессалийского гимна к Фетиде ради необходимого комментария к эпиграмме.

После этого экскурса, поучительного для истории Ахиллова культа, вернемся к кречмеровскому толкованию имен Фтии и мирмидонян. После выводов, сделанных на основе разрозненного до недавнего времени материала, нас не должно удивлять, что оба имени, как тонко подметил этот лингвист, суть значащие названия. Одно из них — «Фтия» — он вполне убедительно сопоставляет с φθίμενοι, интерпретируя как «страну мертвых». В то же самое время он производит имя мирмидонян от μῦρμος, что Гезихий объясняет как φόβος, так что данный этникон можно переводить как «ужасающие призраки», что наилучшим образом подходит к царству мертвых. Отсюда Кречмер делает совершенно справедливое заключение — вот что буквально говорит он в конце своих рассуждений: Ахилл «именно в силу своей преждевременной смерти мыслится как владыка в царстве теней», и «только из владыки над мертвыми возник герой... тогда Фтия — не реальная, но мифическая... местность». Так пишет Кречмер, а мы, продолжая его мысль, можем добавить, что эта «мифическая местность» Фтия вместе с народом мирмидонян равным образом означала царство мертвых, покуда оба эти названия не стали в эпоху формирования эпоса рационалистически локализоваться в Фессалии.

Если, подводя итог, мы еще раз бросим взгляд на «Илиаду», которая определила в европейском сознании образ Ахилла, то припомним многие черты, которыми в ней (с грандиозным нарастанием к концу поэмы) герой изображен овеянным смертью, словно бы выдавая посвященному свою изначальную сущность бога мертвых. Но даже не приходя к такому выводу, уже давно обращали внимание на соответствующие черты, и французский ученый Меоти даже предложил монографию об отношении Ахилла к смерти, ориентируясь главным образом на Гомера, но пропе-

¹¹⁷ Поэтому не стоит ставить вопрос о том, каким образом Ахилл мог быть похоронен в Сигее, если его тело было перенесено на Левку. Так пишет У. Хельшер (U. H e l s c h e r, «Gnomon», 27, 1955, стр. 396) вопреки попыткам Песталоцци и Шадевальдта реконструировать соответствующим образом действие «Мемнониды»; сам Шадевальдт (цитируемый Хельшером) выходит из положения при помощи того, что предполагает перенесение не Ахилла, а его eidolon! Скорее, однако, соответствующие предания суть не что иное, как попытки контаминации более древних и более поздних пластов этого мифа, при этом в эпосе место веры в древнего бога мертвых Ахилла на «острове блаженных» рационалистически заступает «перенесение» Ахилла, а его погребение недалеко от Трои в любом случае принадлежит самому молодому — «гомеровскому» пласту традиции.

¹¹⁸ См. выше, в начале статьи.

¹¹⁹ № 4 в кн.: E. D i e h l, Anthologia Lyrica Graeca, II², 6, 1940, стр. 2. Напрасно было бы искать у Дида вышеупомянутый гимн к Фетиде (он мог бы найти свое место, например, в томе II², 6, стр. 204 слл. среди Ἀνομόμου ἀναπίστον). О датировке «Пеплоса» и вообще об этом сборнике ср. C. A. F o r b e s, RE, XIX, 1938, стб. 561 сл., с указаниями на литературу.

девтически затрагивая и аттическую трагедию, прежде всего, конечно, Еврипида¹²⁰. Теперь этот материал сконцентрирован и легко доступен в уже цитированном очерке В. Шадевальдта о структуре «Илиады», где тема «Ахилл и смерть» звучит для нас особенно убедительно именно потому, что она не поставлена автором намеренно в центр исследования и получает подобающие ей права благодаря самому материалу¹²¹.

Итак, я подошел к концу моего опыта, где я постарался раскрыть предысторию засвидетельствованного многочисленными надписями культа Ахилла Понтарха, который почитался на Черном море как бог, и доказать, что этот, видимо, самый значительный образ греческой мифологии по своему происхождению был божеством мертвых. При этом только кажется, что я вступил на путь переверота, ибо я всего лишь, рассмотрев доступный материал источников, довел до конца те начинания, которые уже привели таких русских и немецких ученых, как Иван Толстой и С. В. Меликова, как Отто Группе, Эрнст Вюст и Пауль Кречмер, вплотную к удовлетворительному решению проблемы. Пусть же будущие исследования, продолжив начатое, критически проверят достигнутые результаты.

ACHILLES THE GOD

Hildebrecht Hommel

The author attempts to open up the prehistory of the cult of Achilles Pontarchos, celebrated in numerous inscriptions from the Black Sea area and worshipped there as a god; he also undertakes to show that Achilles was originally lord of the dead in the abode of the Blest, far out at sea, and only later, in the rhapsode tradition, was transformed into a hero of the Trojan Cycle. The bifurcation of Achilles into god and hero can be traced in many literary sources, which have preserved, in a complex convolution of layers, beliefs and legends of various antiquity. In this connection the author examines the matter of the female *paredros* of Achilles the god. Several mythological personages have been named for the role, but the author gives most attention to Polyxena and Iphigenia. He also takes up the etymology of the names of Achilles himself and persons and places connected with him in the legends. The author regards his study as a further development, a continuation and completion (as far as the material available allowed), of the results achieved by his predecessors — I. I. Tolstoj, S. V. Melikova, O. Gruppe, E. Wüst and P. Kretschmer.

¹²⁰ G. M é a u t i s, Achille et le problème de la mort, в книге автора, несколько претенциозно озаглавленной: *Mythes inconnus de la Grèce antique*, 1944, стр. 91—248. На стр. 255 сл. автор также касается кратко проблемы божественности Ахилла, которую он, однако (целиком с позиций Гомера), рассматривает лишь в смысле промежуточного состояния героя между божественной и человеческой сферой, т. е. именно так, как это подобает «герою». См. об этом выше, прим. 13.

¹²¹ S c h a d e w a l d t, Der Aufbau der Ilias. Главные места на стр. 8 слл.: смерть как один из основных (наряду с «Гневом» и «Отречением от гнева») моментов, «сопровождающих трагическое действие эпоса». Ахилл живет прежде всего «в сознании своей смерти». Стр. 58: в XIX песни «Илиады» конь Ксанф предсказывает Ахиллу его смерть. Стр. 62 сл.: в битве с потоками Ахилл неоднократно размышляет о собственной смерти (II. XXI). Стр. 66 и 68 (II. XXII): «предуказания смерти Ахилла становятся все отчетливее», пока, наконец, умирающий Гектор не предсказывает своему врагу смерть, которую тот готов принять от богов. «И здесь также Ахилл целиком находится во власти своей смерти». Стр. 70 (II. XXIII): явившийся во сне Патрокл «предсказывает Ахиллу смерть». И, как далее при погребении друга, «все... служит смерти, так и мысли Ахилла в заботах о мертвом заняты собственной смертью». На стр. 77 еще раз резюмируется: «Ахилл..., с самого начала зная о краткости своего земного бытия и осознанно принимая смерть». Ср. краткие замечания в недавней работе: P r i e s s, ук. соч., стр. 11, прим. 2.